

ИСПЫТАНИЯ НАСЛЕДНИКОВ
НАЧАЛИСЬ

ЧЕРНОЕ ЭХО

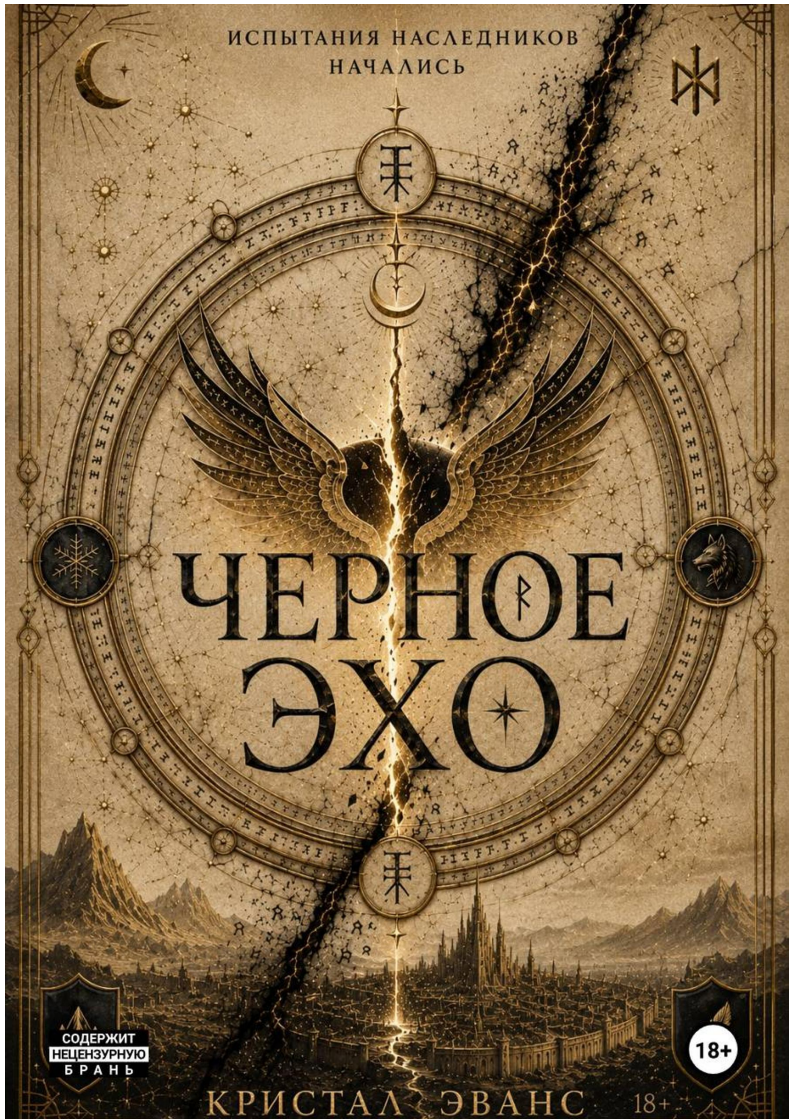
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КРИСТАЛ ЭВАНС

18+

Кристал Эванс

Черное Эхо

*<https://litres.ru/74042958>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Семь печатей сдерживают тьму под Эларионом. Шестнадцать лет они стояли незыблемо, пока в ночь Равноденствия не дали первую трещину.

Лиора Вальтерис — идеальная наследница, безупречная дочь своего Дома. Но под кружевной перчаткой на её запястье пульсирует черная метка. Она той же природы, что и ужас за пределами печатей. Если Орден узнает — Лиору сожгут. Если не узнает — тьма заберет её сама.

Единственные, кто видит её истинное лицо — это двое мужчин, которым нельзя верить.

Кай, северный командир с белыми крыльями, который уже однажды её предал. И Рэйвен Морвейн, наследник опального рода, чьи тени чувствуют её тьму как свою. Один поклялся защищать, другой — использовать. И оба лгут.

Печати рушатся. Мертвые шепчут её имя. А ложь, на которой держится Орден, ведет к тайне шестнадцатилетней давности — к женщине с серебром в волосах, которую все считали мертвой.

К её матери.

Чтобы выжить, Лиоре придется решить: остаться дочерью Света или стать тем, чего этот Свет боится больше всего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	45
Глава 4	82
Глава 5	117
Глава 6	139
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Кристал Эванс

Черное Эхо

Глава 1

Снег пошёл ещё до рассвета.

К полудню Эларион окончательно утонул в белом саване: снег безжалостно поглотил острые шпили крыш, извилистые лестницы и даже неподвижных, застывших в вечном карауле инквизиторов у западной галереи. Под ледяным панцирем инея черный камень собора казался еще более глухим, словно время замедлило свой бег. И только руны на стенах упрямо пульсировали золотом — город, точно раненый зверь, из последних сил пытался доказать самому себе, что его сердце еще бьется. Я стояла перед огромным зеркалом, пока Элла затягивала серебряные застёжки на моём парадном плаще.

— Ты меня задушишь, — прохрипела я.

— Лучше в складках своего плаща, чем под ледяными взглядами Совета, — бросила она слишком резко.

В зеркале я увидела, как пальцы Эллы снова дрогнули.

Воздух вокруг стал тяжелым, густым от предчувствия грядущей катастрофы. Стоило мне переступить порог, как жизнь в коридорах замерла: служанки роняли подносы с резким, бьющим по нервам звоном, а архивариусы превраща-

лись в неподвижные каменные изваяния. У восточного крыла стражу меняли слишком часто — слишком подозрительно, будто они охраняли не покой, а нечто, чему не место под солнечным светом. Отец встретил меня своим привычным ледяным безразличием, воздвигнув между нами стену из абсолютного, бездушного спокойствия. И я чувствовала, как внутри меня медленно умирает последняя искра сил в этой бесконечной попытке пробить его броню.

Элла поправила тяжелый воротник и отступила на шаг.
— Готово.

Я взглянула в зеркало, и на меня отозвался холодный, безжизненный взгляд. На мне было платье Дома Вальтерисов — тяжелое, цвета слоновой кости и утреннего тумана, чьи полы казались отлитыми из самого света. Жесткая серебряная вышивка на рукавах впивалась в кожу, словно когти хищной птицы, а на шее давил холодный металл цепи с рунным знаком Магистрата — тяжелое напоминание о долге и власти. Я выглядела безупречно, как статуя из серого камня, идеальная наследница, чей облик был высечен по канонам древнего рода. Но в последние месяцы мне все чаще казалось, что из глубины зеркальной глади на меня смотрит чужак, чье лицо я не узнаю, и чьи глаза полны не моей правды.

За окнами гулко ударил колокол. Низко и тяжело, заставляя стекла мелко вибрировать. Первый сигнал Равноденствия.

Элла машинально потянулась к груди — старый, почти

забытый жест, словно пытаюсь нащупать защиту в молитве Свету, — и лишь через мгновение испуганно отпрянула, осознав, что здесь нет места святости. Я медленно повернулась к ней, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна.

— Неужели всё настолько скверно? Она тут же уставилась в пол, пряча глаза.

— Люди просто нервничают перед испытаниями, миледи. Только и всего.

Ложь. Тонкая, как лед на осенней луже, и такая же хрупкая. Но я не стала разбивать её своим неверием.

В центральном нефе собора застыл тяжелый, дурманящий аромат: тающий снег смешивался с горьким воском и едким, раскаленным дыханием рунных светильников. Высокие своды растворялись в непроглядной тени, а между исполинскими колоннами, словно хищные тени, уже сгущались представители Великих Домов. Я видела холодное серебро Эльдаров, глубокий, как лесная чаща, изумруд плащей Эвертов, матовую черноту перьев Морвейнов и грубую мощь северян, укутанных в меха. В этом пространстве, пропитанном запахом старой крови и амбиций, власть казалась ядовитой.

Равноденствие — это не просто смена времен года, это приговор. Сегодня Орден проведет невидимую черту, за которой начнется Испытание Наследников, и я кожей чувствовала: назад пути нет. Никто из нас не вернется прежним, если вообще сумеет выбраться из этой бездны, сохранив рассудок и душу. Семь печатей. Семь узлов, вшитых в самую плоть

Солвейна еще до того, как первый Вальтерис коснулся белого золота. Мне вдалбливали это с шести лет, вплетая в суть моего существа — наравне с молитвами и искусством улыбаться врагам, скрывая за маской смертоносный блеск. Печати не запирают тьму, они лишь сдерживают её яростный напор, словно тонкий лед над бездонной пропастью. Сегодня руны на стенах пульсировали тревожным, неровным светом, предвещая беду. Никто не смел гадать, выдержит ли лед. Все замерли в смертельном ожидании, ловя лишь одно: первый, предсмертный треск.

Я медленно спускалась по центральной лестнице, и каждый шаг отдавался гулким эхом в пустоте зала, пока чужие взгляды впивались в мою кожу, точно ледяные иглы. Оценивающие. Настороженные. Слишком хищные — словно стая зверей, почуявших запах крови и затаившихся в тенях. Для них я не была живой душой, чье сердце бьется в такт страху; я была лишь Наследницей Вальтерисов, дочерью Великого Магистра, будущей хранительницей центральных печатей. Я была лишь набором величественных титулов, облаченных в тяжелый шелк и непоколебимую, выжженную внутри гордость.

Если этот проклятый Совет вообще соизволит дать мне шанс. Мысль полоснула под ребра с такой остротой, что пальцы непроизвольно сжались в кулаки, выбивая белизну на костяшках. Отец замер у рунного круга перед алтарем, погруженный в обсуждение с советниками. Белое золото Ма-

гистрата, безупречная осанка и лицо — непроницаемая каменная маска. Но я видела правду: он выглядел как человек, которого неделями терзает изматывающий, лишающий сна кошмар. Когда наши взгляды столкнулись, он лишь едва заметно кивнул. Не как отец, а как Магистр, отдающий безмолвный приказ своему солдату. И в это мгновение в дальнем конце нефа с оглушительным грохотом распахнулись северные ворота.

Морозный воздух ворвался в натопленный зал, как незваный гость, и всё вокруг мгновенно изменилось. Люди начали замолкать и оборачиваться ещё до того, как я поняла, что случилось.

А потом я увидела его.

Кай Астор вошёл в сопровождении северного гарнизона. Снег таял на тёмных ремнях его формы, а на широких плечах белел иней на сером меху. За спиной тяжело колыхались огромные белые крылья, почти касаясь пола. В этом мрачном зале, пропахшем ладаном и политическими интригами, они казались слишком светлыми. Слишком чистыми.

Я услышала шорох его перьев — тихий, какой-то угрожающий — еще до того, как решила сделать вдох. От него несло морозом, сталью и дымом северных костров. Но страшнее всего было другое: Север его сломал. Он выжег в нем всё, что я когда-то любила: легкость, мягкость, ту дурацкую наивность. Теперь Кай двигался как хищник, который чует опасность за версту.

Когда его ледяной взгляд нашел меня в толпе, по спине пробежал холод. И это был не страх. Что-то куда более древнее, первобытное. Так охотник смотрит на добычу. Одним этим тяжелым взглядом он содрал с меня всё: титулы, шелк платья, фамилию и остатки самообладания.

Он едва заметно, почти пренебрежительно кивнул отцу.

— Магистр.

Голос стал ниже и жестче. Отец ответил так же сухо:

— Лорд Астор.

Ни слова о том, что Кая не было два года. Ни приветствия, ни капли тепла — только голый расчет. Я первой отвела глаза и только тогда заметила, что до боли, до треска нитей терблю край кружевной перчатки.

Соберись, Лиора. Соберись.

Колокола ударили снова. Рунный круг в центре собора вспыхнул яростным золотом, и гул голосов тут же стих. Отец вышел вперед.

— Сегодня, в год Чёрного Равноденствия, Орден вновь объявляет Испытания Наследников, — его голос звучал ровно и пугающе спокойно, отдаваясь эхом под сводами. — Мир меняется. Печати слабеют, разломы всё чаще выходят из-под контроля. Великим Домам пора снова доказать, что они способны держать порядок.

Руны на стенах дрогнули. Слишком резко. Один из служителей нервно глянул на западную галерею — там тревожный свет мигнул уже второй раз за вечер.

— Каждый наследник пройдет через цикл испытаний, — продолжал Магистр, — а Орден решит, кому из них доверить власть над печатями.

Я почувствовала взгляд Кая еще до того, как повернулась. Словно натянутая тетива коснулась кожи. Он не смотрел на церемонию — он смотрел только на меня, тяжело и неотрывно.

И в этот миг левое запястье обожгло огнем.

Резко. Невыносимо. Так сильно, что дыхание со свистом вырвалось из легких. Под кожей будто провели раскалённым, зубчатым лезвием. Я до скрипа стиснула зубы, пряча руку в складках плаща.

Только не сейчас. Только не здесь.

Жжение не утихало — оно превращалось в неистовое, всепоглощающее пламя, выжигающее меня изнутри. Руны на колоннах судорожно дрогнули, и светильник слева с резким, предсмертным шипением погас, погружая зал в полумрак. По залу пронесся испуганный шепот, но я его почти не слышала. Мой взгляд был прикован к собственной руке: под бледной, почти прозрачной кожей пульсировала черная линия. Она извивалась, словно живое перо, сплетенное из самой первородной тьмы.

Логично было бы поддаться панике, захлебнуться в ужасе от того, что маска сорвана и меня разоблачили. Но вместо этого пришла тишина — вязкая, тяжелая, пугающе мягкая. Словно кто-то наконец выключил бесконечный, сводя-

щий с ума шум в моей голове. Тревога, нехватка воздуха, вечное, выматывающее напряжение — всё просто испарилось. Я впервые за долгое время ощутила странный, первобытный покой. Тьма внутри меня не просто пробудилась — она довольно заурчала, признавая во мне *свою*.

Именно это меня и до смерти напугало. Пока золотые руны собора мерцали всё безумнее, а элита Ордена в панике переглядывалась, какая-то больная часть меня уже не хотела, чтобы этот момент заканчивался.

Отец замолчал. Собор будто затаил дыхание.

Под высокими сводами дрожало эхо, золотые линии на стенах бились неровно, как умирающее сердце, а где-то высоко над головой зловеще поскрипывали на сквозняке тяжелые цепи с чашами.

Я поспешно, до боли натянула кружевную перчатку, пытаясь спрятать почерневшую линию. Кожа всё еще горела. Но это был не просто жар — внутри просыпалось что-то чужеродное и древнее, словно оно осторожно пробовало мои вены на прочность.

Я заставила себя поднять голову. В толпе на меня никто не смотрел. Кроме Кая.

Он замер чуть поодаль от своих северян — неподвижный, напряженный, словно волк перед прыжком. Его взгляд впился в мою руку. От этого пристального внимания по спине снова пополз ледяной холод. Он смотрел не мне в лицо. Не на Магистра. Он смотрел на мое запястье. И, кажется, он уже

что-то понял.

— Да начнётся Равноденствие, — глухо произнес отец.

Жрецы в унисон ударили посохами о мрамор. Грохот был такой силы, что звук тяжелой волной пронесся по собору. Руны под ногами вспыхнули, свет потек по древним узорам, оплетая алтарь. На балконах запел хор — низко, протяжно и вибрирующе. Это больше напоминало отпевание, чем молитву Свету.

Люди опустили на колени. Послышался шорох тяжелой бархата и скрип кожаных ножен; за спинами северян с тихим, опасным шелестом раскрывались белые крылья. Я опустилась рядом с отцом, чувствуя, как ледяной пол пробирает до костей.

Тишина внутри никуда не делась. Наоборот, она стала глубже, обволакивая чем-то пугающим и леденящим. Нервы больше не были натянуты, многолетняя злость на Орден просто испарилась. Осталось только это мертвенное спокойствие — будто тьма под кожей наконец перестала бороться и замерла в ожидании. Я до крови впиалась ногтями в ладонь. Нет.

Рядом кто-то поднялся раньше других. Кай. Он стоял, нахмурившись, словно прислушивался к шагам надвигающейся катастрофы. Наши взгляды встретились. На этот раз я не отвела глаз. Наверное, дело в гордости или в том, что после двух лет тишины я больше не собиралась быть покорной девочкой, которую бросили ждать у порога.

Север вытравил из него всё человеческое. Он стал другим: двигался скупно, без лишних эмоций, но в каждом жесте чувствовалась мощь того, кто привык выживать там, где другие ломаются. И всё же пугали не его огромные крылья и не суровое лицо. Хуже всего было то, что тело всё ещё помнило жесткое тепло его рук.

Я заметила на его шее тонкую рваную линию — свежий шрам, уходящий под темный воротник. От него ударило под дых сильнее всего. Пока я тратила время на ненависть из-за его исчезновения, его жизнь на Севере состояла из крови и стали.

Хор смолк. Отец поднялся первым.

— По завершении церемонии представители Великих Домов останутся на заседание Совета. Наследники же представят перед первым испытанием завтра на рассвете.

По залу пронесся приглушенный ропот — тяжелый, густой, пропитанный предчувствием неизбежного. Младший наследник Эльдаров побледнел так, словно лишился самой души, и его сестра тут же мертвой хваткой вцепилась в его локоть. Испытания и прежде были смертельным танцем на лезвии: порой дети Великих Домов так и не успевали дожить до того дня, когда на их плечи ляжет бремя титула.

Отец только начал спускаться с алтаря, когда одна из гигантских рунных чаш у западной арки внезапно вспыхнула. Пламя было слишком яростным, слишком неистовым. Язык огня хищно метнулся к сводам, лизнул потолок и с тошно-

творным шипением захлебнулся, оставив после себя лишь вязкий столб черного дыма.

И почти сразу из глубин запечатанных коридоров донесся крик.

Резкий, захлебывающийся, полный такого первобытного ужаса, что мой желудок скрутило ледяным узлом. Напряжение в зале взорвалось. Инквизиторы синхронно обнажили клинки, и сталь зловеще блеснула в полумраке. Северяне среагировали быстрее всех — я услышала за спиной резкий хлопок перьев: Кай распахнул крылья, точно хищник, почувший запах свежей крови.

В ту же секунду пугающая тишина внутри меня дрогнула. Словно тьма, дремавшая под моей кожей, тоже услышала этот крик — и отозвалась на него хищным, почти экстатическим торжеством.

— Что произошло?! — рявкнул отец, и его голос прорезал мрак, как удар меча.

Ответить не успели. Из темноты западной галереи вывалился молодой послушник. Он едва держался на ногах, постоянно спотыкаясь о полы собственной мантии. Белая ткань пропиталась кровью настолько, что в мертвой тишине собора тяжелый, влажный стук капель о мрамор бил по нервам сильнее любого крика. Послушник рухнул на колени, оставляя на священном полу багровые лужи. Его трясло, зубы выбивали дробь. Он поднял на Магистра безумный, расширенный от ужаса взгляд.

— Печать... — прохрипел он, захлебываясь кровью.

— Внизу... она треснула...

По собору пронесся ледяной сквозняк. Женщина из дома Эльдаров вскрикнула, прижав ладонь к губам, а младший жрец выронил рунную чашу — та с гулким звоном покати­лась по каменным плитам. Запах ладана сменился едким ароматом железа и запекшейся крови.

Отец спустился по ступеням.

— Где? — его голос прорезал тишину.

Послушник попытался ответить, но лишь зашелся в хриплом кашле. На его подбородок брызнула темная кровь.

— Нижние крипты... западное крыло... печать... она пала...

По залу пополз ропот. Я видела, как придворные в ужасе отстраняются друг от друга, словно весть о треснувшей печати была смертным приговором.

Кай шагнул вперед первым. Северяне двинулись следом, мгновенно смыкаясь в плотный строй. Отец уже раздавал приказы.

— Запереть западную галерею. Никого не выпускать.

— Магистр, там же остались люди... — голос старшего инквизитора дрогнул, выдавая первобытный страх.

— Я сказал: запереть!

Голос Магистра хлестнул по залу, заставляя нарастающий гул толпы стихнуть.

Раненого послушника пытались поднять, но он внезап-

но дернулся с пугающей, нечеловеческой силой, отбросив взрослого жреца в сторону, словно тряпичную куклу.

— Нет... нет, она была там... — пробормотал юноша, лихорадочно озирая толпу взглядом, полным безумия. — Я видел... Светом клянусь...

Его остекленевшие глаза прорезали пространство и намертво впились в меня. В этот миг внутри меня всё рухнуло в ледяную, бездонную пропасть.

— Что ты видел? — спросил отец. Его голос звучал тихо, почти гипнотически, но в этой тишине таилась угроза.

Послушник сглотнул, судорожно раздирая окровавленное горло: — Женщину... у самой печати...

Тишина стала тяжелой, почти осязаемой, давящей на плечи. Я почувствовала, как под кружевом перчатки жадно, пульсируя, забилась черная линия.

— Какую женщину? — голос Магистра опустился до смертоносного шепота.

Послушник не просто смотрел на меня — он изучал. Его пустые глаза скользили по моим волосам, замирали на скулах, будто он пытался сопоставить черты моего лица с каким-то древним, запретным образом, который не должен был существовать.

— Серебро... — выдохнул он, и этот звук отозвался в моих костях хрустом ломающегося льда. — Серебро Вальтерисов... и глаза... — он судорожно вцепился в горло, словно само воспоминание душило его. — Черные. Бездонные.

По залу пронеслась волна — то ли ропот, то ли первобытный ужас. Я кожей ощутила, как десятки взглядов, острых, точно клинки, вонзились в меня и тут же испуганно отпрянули. Весь вечер я была мишенью для половины Совета, но в одно мгновение превратилась в призрак.

Хотя дело было даже не во мне. Истина настигла их прежде, чем я успела осознать содеянное.

Серебро Вальтерисов принадлежало двоим. Мне. И той женщине, чье имя шестнадцать лет назад предали забвению вместе с ее прахом.

Лицо отца осталось неподвижным, словно изваяние. Его привычная ледяная маска ударила под дых сильнее любого проклятия. На бред безумца не смотрят с таким оцепенением. Так встречают правду, которую слишком долго пытались погresti под землей.

Проклятье! Я ведь всё это время была здесь, на виду у всех!

Послушник вдруг жутко захрипел, будто незримая сталь перерезала ему горло. Тело его выгнулось дугой, а пальцы с отвратительным скрежетом заскребли по мрамору, ломая ногти в кровь. Страж попытался прижать юношу к полу, но тот вырвался с диким, звериным ревом.

И тогда я узрела его глаза. Белки мгновенно почернели, затопив радужку бездонным мраком.

— Назад! — взревел один из северян, со звоном обнажая двуручный меч.

Все произошло слишком стремительно. Послушник вскинул голову и издал крик. Этот звук уже не был человеческим — он прошелся ржавым гвоздем по моим нервам. Руны под ногами угасли и тут же яростно вспыхнули багрянцем.

А затем он кинулся на меня.

Я даже шелохнуться не успела. Мир сузился до черных глаз и оскала, а в следующий миг меня рвануло в сторону. Чья-то рука в кожаной перчатке мертвой хваткой вцепилась в талию, выдергивая из-под удара. Перед глазами пронеслась белая стена перьев — левое крыло Кая отсекло меня от твари.

Правая рука у него оставалась свободной.

Замаха я не видела. Только услышала: свист стали над ухом, короткий влажный звук — будто нож вошел в спелый плод — и тяжелый шлепок о мрамор. Из-за кромки крыла на щеку брызнуло чем-то горячим.

Тишина обрушилась на собор всей своей тяжестью. В этой пустоте мой судорожный вдох прозвучал как крик.

Крыло медленно опустилось. У наших ног лежало то, что секунду назад было послушником — бесформенная масса, а по белому камню, как чернила по снегу, расползлась густая, почти черная кровь. В ноздри ударил тяжелый, приторный запах сырого мяса.

Только сейчас, когда всё стихло, Кай развернул второе крыло. Оба сомкнулись вокруг нас, отгораживая от зала. Не для защиты — защищать было уже не от кого. Он прятал

меня: мою испачканную щеку, мой ужас, мою дрожь — от сотни глаз, которые жадно искали, на ком остановиться.

Я стояла, вцепившись в его ремни. Под ладонями бешено колотилось чужое сердце — слишком быстро для того, кто только что убил, даже не глядя.

Он медленно опустил меч. Темные капли срывались с лезвия, отсчитывая секунды.

— Ты ранена? — глухо, почти утробно выдохнул он.

И только тогда я поняла, что всё это время судорожно, до белых костяшек, цеплялась за его ремни. А ведь стоило отшатнуться. Собраться с духом, выпрямить спину и выплюнуть какую-нибудь ядовитую колкость — лишь бы не выдать свой ебанный страх. Но вместо этого я только сильнее вцепилась в его броню. Он стал моим единственным якорем в мире, который внезапно дал трещину.

И Кай не оттолкнул меня. Напротив, его белые крылья плотнее сомкнулись вокруг нас, отгораживая от ужаса снаружи.

— Лиора.

Голос отца ударил в спину, как лезвие гильотины. Я вздрогнула и резко отстранилась, только сейчас осознав, насколько интимно мы стояли посреди этого кровавого кошмара.

По залу, словно тени, уже двигались инквизиторы. Они молча волокли обезглавленное тело прочь от алтаря, оставляя за собой влажный след. Паломники жались к стенам;

кто-то пытался прорваться к выходу, но стража уже наглухо заперла тяжелые дубовые двери.

Отец подошел вплотную. Его взгляд — абсолютно холодный, лишенный всякой отцовской нежности — скользнул по моему лицу, брезгливо задержался на крови и переместился на окровавленный меч северянина.

— Ты ранена?! — отчеканил он.

— Нет. — Мой голос прозвучал слишком тихо. Надломлено.

Магистр нахмурился. Он шагнул ближе и жестко взял меня за подбородок, заставляя поднять лицо к свету багровых рун. Жест был бы почти участливым, если бы не ледяная хватка. Я видела, как до скрипа сжались его челюсти.

— Это не её кровь, — ровно, с едва уловимой угрозой перебил Кай.

Отец медленно повернул к нему голову. Между ними мгновенно натянулось такое напряжение, что воздух стал плотным. Именно сейчас я отчетливо увидела их сходство: пугающее умение сохранять ледяное спокойствие, пока внутри бушует ярость.

— Что произошло внизу? — процедил отец.

— Нижняя печать повреждена, Великий Магистр, — склонил голову подошедший инквизитор. — Жрецы подтверждают... разлом появился изнутри.

По залу пронесся гул. Разлом изнутри. Я заметила, как побледнели даже самые влиятельные члены Совета.

— Никто не покинет пределов собора, — отрезал отец. Его голос, тяжелый и властный, словно надгробная плита, обрушился на толпу, заставляя шум мгновенно стихнуть.

— Пока не прояснятся все обстоятельства, Собор будет заперт на рунных засовах.

В нефе тут же вспыхнуло ропотное пламя возмущения. Люди заговорили разом, их голоса слились в нестройный, тревожный гул.

— Магистр, но паломники! — выкрикнул кто-то, и в его голосе слышался неприкрытый ужас. — Сотни людей прибыли на Равноденствие!

— И каков будет ваш совет? — отец оборвал его, не повысив тона, но в этой ледяной спокойствии таилась угроза острее кинжала. — Распахнуть ворота и впустить *это* безумие в город?

Слово «*это*» ударило по присутствующим сильнее, чем удар булавы. Спор затих, сменившись липким, удушливым страхом.

Я почувствовала, как под тонким кружевом перчатки вновь оживает метка. Она не просто болела — она пульсировала, торжествуя и жадно, словно зверь, почуявший добычу. От этого чужого, почти блаженного восторга, проникающего в самую мою суть, к горлу подкатила тошнота, более едкая, чем запах свежей крови.

Кай заметил мою слабость прежде, чем я успела ее скрыть. — Ты сейчас рухнешь, — прошептал он, и в его взгляде

промелькнула тень тревоги.

— Не дождешься, — огрызнулась я, хотя мир под ногами уже предательски поплыл, становясь зыбким, точно болото.

Он не произнес ни слова, но я видела, как на его скуле заиграл желвак, а пальцы судорожно сжались и разжались, словно он пытался ухватиться за ускользящую тень.

Я узнала этот жест. Он был призраком из прошлой жизни, из тех времен, когда всё заканчивалось одинаково: Кай просто подхватывал меня, игнорируя мой крик и ярость Совета, и уносил прочь, в безопасность, которая всегда пахла им.

А сейчас он застыл, подобно изваянию.

Я не знала, что сковывало его: тяжесть моего титула, холод его новых погонов или те две зимы, что пролегли между нами пропастью. Но в ту секунду, когда наши взгляды столкнулись, я впервые допустила безумную мысль: может, Север не выжег его дотла? Может, он просто заковал свое сердце в лед, чтобы оно больше не могло разбиться?

— Лиора, — на этот раз его голос лишился всякой насмешки, став суровым и глубоким.

Я опустила взгляд. В призрачном сиянии рун кровь казалась черной и вязкой, точно деготь. В лихорадочной попытке заглушить пульсацию я впиалась ногтями в левое запястье, не чувствуя боли. Кружево пропиталось влагой, и тяжелые капли медленно поползли по белому рукаву.

Кай увидел это. Его лицо окончательно превратилось в непроницаемую маску, холодную и безжизненную, как мра-

мор древних богов.

— Это ничего не значит, — бросила я. Слова вылетели слишком быстро, слишком отчаянно.

Кай молчал. Он медленно отводил взгляд от моего запястья, словно отдирая кожу от металла. Когда он заговорил, его голос был пугающе ровным.

— На третьем месяце за Хребтом мы нашли заставу. Двенадцать человек гарнизона, — он сделал паузу, глядя куда-то сквозь меня. — Одиннадцать тел.

— Зачем ты мне это...

— Двенадцатый сказал то же самое, — он шагнул ко мне, подавляя своей мощью. — Слово в слово, Лиора. *«Это ничего не значит»*.

По спине пробежал озноб.

— И что с ним стало?

Кай уже отворачивался, но ответ прилетел через плечо — тихий и тяжелый, как земля на крышку гроба.

В западной галерее раздался пронзительный женский визг, полоснувший по тишине, словно лезвие по стеклу. Северяне резко развернулись к коридорам, смыкая щиты.

— Уведите паломников! — скомандовал отец. — Совет остается здесь.

Люди метались, точно раненые звери. Из-за хаоса мы с Каем оказались прижаты к основанию алтаря. Я кожей чувствовала его взгляд. Он прожигал меня, выискивая ответы, которых у меня не было.

— Перестань на меня так смотреть, — прошептала я. — Как будто ты уже всё понял. А я — нет.

Уголок его рта дрогнул в горькой усмешке.

— Если бы я действительно всё понял, — прошептал он, — я бы уже тащил тебя к лекарям.

— Какая трогательная забота.

Ложь. Я слишком хорошо его знала.

Мимо пробежал отряд инквизиторов, и Кай машинально сделал шаг ко мне, закрывая своим телом от бегущей толпы. Это движение было настолько естественным, что внутри у меня всё зануло. Раньше он делал так постоянно. Теперь это ощущалось как пытка.

Метка под перчаткой снова сладко запульсировала. Я резко втянула воздух.

— Что? — Кай мгновенно подался вперед.

— Ничего.

Но из галереи вынырнул еще один инквизитор, перепачканный кровью.

— Магистр, — глухо выдохнул он. — Мы нашли еще двоих.

Отец на секунду прикрыл глаза. Этот жест ударил по мне сильнее криков.

— Подготовьте внутренний круг, — произнес Магистр. — Испытания Наследников начнутся сегодня.

Вокруг воцарилась тишина.

— Сегодня? Но подготовка... — ахнул советник.

— Если печати рушатся, ждать нельзя.

Проклятье. Испытания должны были начаться только завтра. Мне нужна была эта ночь — чтобы привыкнуть к ледяному осознанию неизбежного, чтобы просто научиться вдыхать воздух, не захлебываясь от ужаса.

Пальцы снова предательски дрогнули. Кай заметил. Его ладонь опустилась мне на спину — тяжелая, обжигающая, пугающе надежная.

— Не смотри на меня так, будто ты уже мертва, — прошептал он. — Весь Совет только и делает, что гадает, кто из наследников сгорит первым.

— И на кого поставил ты?

Он смотрел на меня слишком долго. Слишком пристально. Его взгляд скользнул по моим скулам и на мгновение замер на губах — слишком дерзко, слишком интимно для того, кто оставил меня в руинах два года назад.

— Я никогда не ставил против тебя, Лиора, — его голос надломился, превращаясь в хриплый, почти священный обет. — Даже когда цена была слишком высока.

Эти слова ударили под дых, выбивая остатки самообладания. Гул собора в моих ушах мгновенно стих, оставив лишь его взгляд и невыносимое тепло его руки. Я открыла рот, чтобы потребовать ответа, но тишину разорвал оглушительный набат.

Оглушительный, вибрирующий удар. Это не был праздничный звон. Этот звук выдирает душу.

— Это сигнал из внутренних земель, — в ужасе прошептал советник.

Такие колокола били лишь в одном случае: когда древние печати рушатся одна за другой.

В западной галерее с треском лопнули витражи. Руны на стенах вместо золота вспыхнули ядовитым, черным пламенем. По мрамору поползли чернильные трещины. Эларион начал умирать.

Метка взорвалась болью. В голове раздался шепот — тот самый голос из кошмаров: *«Они большие не смогут удержать её»*.

— Лиора? — Кай перехватил меня, не давая упасть.

Я не могла ответить. Мой взгляд прикипел к церемониальному зеркалу. По его поверхности ползла черная трещина. Бьющаяся толпа еще не заметила, а я — видела. Девушка в отражении двигалась на долю секунды позже меня. Она не просто отставала. Она жила своей жизнью. Девушка в зеркале смотрела прямо на меня и торжествующе улыбалась.

Холод прошил до костей. Я отшатнулась. Кай проследил за моим взглядом, но видел лишь треснувшее стекло.

— Что ты видишь? — потребовал он, и в его голосе зазвенела сталь.

Я снова посмотрела в зеркало. Девушка приложила ладонь к стеклу изнутри. В тот же миг все светильники в соборе погасли.

Зал захлебнулся в слепой тьме. Взорвались крики, молит-

вы и лязг клинков. А где-то глубоко под нами раздался глухой, рокочущий звук, похожий на удар гниющего сердца.

Метка на запястье полыхнула огнем. Я задохнулась от боли, но Кай прижал меня к своей броне.

— Лиора!

В его голосе прорвался настоящий, животный страх.

А затем сквозь хаос до меня донесся голос отца — надломленный и лишенный всякой надежды:

— Свет да хранит нас...

Руны над алтарем вспыхнули в последний раз и погасли, оставляя нас во власти Бездны.

Глава 2

Легкие горели, словно я вдыхала не воздух, а раскаленный свинец. Я даже не осознала момент, когда пустота окончательно вытеснила жизнь из моей груди: произошло ли это в ту секунду, когда последняя руна над алтарем испустила предсмертный хрип, или, когда Кай намертво прижал меня к своей броне, становясь моей единственной реальностью. Тьма не принесла тишины; она обрушилась на собор оглушительным, первобытным хаосом. Чей-то надрывный крик, зов матери, лязг стали, от которого вибрировали кости... Но все это стало лишь далеким эхом. В центре моего разрушенного мира существовал только Кай.

Его рука на моей талии не просто удерживала меня в толпе — она властно заявляла свои права, словно клеймо. Он сжимал меня так крепко, что я ощущала каждое движение его пальцев сквозь тонкий шелк, и это прикосновение пронзало меня насквозь. Его обжигающее тепло казалось почти преступным, пугающим на фоне ледяного, парализующего ужаса, сковавшего Эларион. От него пахло сталью, морозным ветром и чем-то первобытным, опасным. Мой разум вопил: «Оттолкни его!», но тело, ведомое каким-то безумным инстинктом, предательски, отчаянно прижималось к нему, ища спасения в этой опасности.

— Дыши, — его горячий шепот обжег мое ухо, едва про-

биваясь сквозь общий крик. Голос был низким, почти рычащим, и я ощущала его мощь глубоко под ребрами.

Твою мать. Как же я ненавидела то, с какой пугающей легкостью я подчинилась ему.

Вдох. Воздух вошел в легкие с саднящей болью, будто я глотала битое стекло, лишая меня возможности соображать.

— Я могу стоять сама, — выдавила я сквозь стиснутые зубы, отчаянно пытаюсь сохранить остатки достоинства.

— Тогда стой, — отрезал он, но его хватка стала только властнее, не оставляя мне выбора.

Я замерла, чувствуя, как его сердце бьется — бешено, рвано, в неистовом, пугающем унисоне с моим собственным.

Серебряные руны впереди вспыхнули с резким, болезненным треском — инквизиторы все же активировали аварийный оберег. Свет был мертвенным, колючим, он не освещал, а скорее вскрывал пространство, превращая перепуганные лица людей в серые восковые маски. Отец замер у алтаря; в этом неестественном сиянии его парадная белая мантия больше не казалась символом Света. Она выглядела как саван.

— Закрывать все выходы, — скомандовал Магистр. Его голос прорезал гул толпы, как клинок, — точный, холодный и пугающе спокойный. — Проверить западную галерею. К зеркалам никого не подпускать.

К зеркалам.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в

горле, мешая дышать.

Никто не докладывал о зеркалах. Ни инквизиторы, ни жрецы — я стояла достаточно близко, чтобы слышать их шепот, но об этом молчали. Трещину видела только я. И это осознание жгло изнутри сильнее, чем магический разряд. Почему первый приказ Великого Магистра после шестнадцати лет тишины прозвучал так, будто он заранее был начертан им, выверенный до последнего знака?

Я резко вскинула голову. Мы с Каем столкнулись взглядами. Он понял все мгновенно — его зрачки расширились, почти затопив льдистую радужку, и в этом взгляде было слишком много того, что я так отчаянно пыталась игнорировать.

— Что? — его тон был низким, предостерегающим. Это не был вопрос, это был приказ немедленно прекратить свои игры.

— Ничего, — бросила я, хотя мой голос предательски дрогнул.

Он сжал челюсти. В его потемневших глазах читалось тяжелое, пронизывающее до костей подозрение: «Лжешь хуже, чем дышишь, Лиора». И, клянусь богами, он был прав.

В дальнем конце зала северяне действовали с пугающей, почти безупречной слаженностью. Никакой суеты, никакой паники. Один из них опустился на колено и коротким, выверенным движением рассек ладонь, чтобы капнуть кровь на серебряную пластину в полу. Другой встал спиной к толпе, расправив огромные крылья и преграждая путь самой тьме.

— Вы знали, что это возможно, — выдохнула я, чувствуя, как внутри разрастается холодная пустота.

Кай промолчал, но я почувствовала, как окаменели его мышцы, когда я, сама того не замечая, вцепилась в его предплечье.

— Разломы не должны появляться внутри Элариона, — наконец процедил он так тихо, что звук едва не потерялся в гуле.

— «Не должны» — не значит «не могут», Кай. Мир не всегда следует правилам, которые нам навязали.

Он повернулся ко мне. В его взгляде не было привычной брони — только опасная, бездонная усталость человека, который слишком долго танцевал с дьяволом на самом краю пропасти.

— Не сейчас, Лиора.

— Конечно. А когда еще говорить горькую правду, если не после того, как тьма едва не поглотила нас всех?

Его взгляд мгновенно стал хищным.

— Если бы она действительно хотела поглотить этот собор, — пророкотал он, склонившись так близко, что я почувствовала жар его дыхания на своей коже, — здесь не осталось бы даже твоих дерзких слов.

Отец обернулся к нам. Даже сквозь хаос я ощутила его взгляд — холодный, оценивающий, лишенный малейшего намека на тепло.

— Лиора.

Я выпрямилась, стараясь вернуть себе самообладание, даже если внутри я рассыпалась на куски. Кай медлил. Его пальцы задержались на моей талии на одно лишнее, почти сокровенное мгновение, прежде чем он наконец отпустил меня. Этот внезапный холод в образовавшемся пространстве был невыносим.

Отец подошел вместе с Мирейн. Советница выглядела так, будто ничего не случилось: ледяная красота, скрывающая бездну. Ее взгляд безошибочно скользнул по складкам моего плаща, задержавшись именно там, где я прятала левую руку. Внутри все заледенело. Она знала. Она всегда, проклятье, все знает.

— Испытания начнутся сейчас, — отрезал отец. В его голосе не было места сомнениям. Только холодная, выверенная тяжесть приговора.

— Сейчас? — выдох я, и этот звук показался мне слишком громким в наступившей тишине.

— Печати дали сбой. Нам нужно немедленно выяснить, чья кровь еще способна удерживать связь.

— Это безумие! — голос советника Эверта разрезал воздух прежде, чем я успела открыть рот. Он возник рядом с отцом — сухой, надменный, с тонкими губами, напоминающими бритвенные порезы. — Магистр, при всем уважении, половина Домов потребует отсрочки. Никто не отдаст детей рунам в ночь, когда те сошли с ума.

— А к рассвету эти же Дома потребуют пересмотреть пра-

ва Вальтерисов на центральные печати, — отец даже не удостоил его взглядом. — Скажут, что печати треснули при нынешнем хранителе. Скажут, что кровь ослабла.

Эверт осекся. Я смотрела на них, и внутри все леденело от тошнотворного, ясного осознания.

Испытания — единственный закон, дающий наследнику доступ к печатям. Без них никто не имеет права даже коснуться узлов. Отложи их на неделю — и Совет успеет переписать правила под себя. Начни сейчас, в этом хаосе, пока страх ослепляет всех — и право первой крови останется за тем, кто отдал приказ.

Отец не спасал Эларион. Он делал ход.

— А если чья-то кровь не откликнется? — я вскинула подбородок, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Отец посмотрел на меня не как на дочь, а как на бракованную деталь, которую пора утилизировать.

— Тогда Совет примет решение.

Мирейн едва заметно опустила ресницы. Мне не нужны были слова, чтобы понять: это не проверка силы. Это охота на ведьм. Если твоя кровь не откликнется на зов рун, тебя просто сотрут из истории.

— Как удобно, — ядовито выплюнула я. — Катастрофа, ритуал и политическая казнь в одном флаконе. Эларион мастерски экономит время.

— Следи за языком, — бросил отец.

— Я слежу. Просто иногда правда звучит громче твоих

МОЛИТВ.

Желваки на скулах Магистра дрогнули.

— Кай сопровождает тебя во внутренний круг.

Я резко обернулась. Кай лишь коротко кивнул. В его безупречном спокойствии сквозило нечто пугающее — он принял приказ так, словно я была лишь ценным грузом, который нужно доставить в целости.

Внутренний круг лежал глубоко под нефом. Там, где камень был старше богов, а воздух пропитался солью, древней кровью и вековым страхом.

Мы спускались по бесконечной винтовой лестнице. Кай шел позади. Он не касался меня, но я ощущала его присутствие каждой клеткой кожи, будто его тень накрывала меня, защищая и одновременно лишая кислорода.

— Ты слишком тихая, — его голос раздался прямо над ухом, заставив меня вздрогнуть.

— Наслаждайся моментом. Это редкость.

— Это не похоже на тебя.

Я не обернулась, но кожей чувствовала его обжигающий взгляд.

— Ты пропустил два года, Кай. Возможно, я просто стала той, кем ты меня оставил. Холодной. Чужой.

Он замолчал. Секунды растягивались, становясь густыми, как патока.

— Думаешь, это был мой выбор? — его голос прозвучал тихо, почти яростно.

Я замерла. На узкой лестнице между нами не осталось и шага. Я резко развернулась, и наши лица оказались пугающе близко. В серебряном свете факелов его глаза казались бездонными колодцами.

— Что это значит?

— Не сейчас, — процедил он сквозь зубы. Я видела, как на его шее напряглась вена.

— Излюбленная уловка мужчин, привыкших прятать правду за завесой недомолвок, — я попыталась изобразить усмешку, но голос надломился, выдав мою слабость.

В глубине его взгляда промелькнуло нечто настолько дикое и необузданное, что воздух в моих легких внезапно закончился, оставив после себя лишь глухое, тревожное биеие сердца. Он подался вперед, сокращая последние миллиметры между нами до опасного минимума, но тишину бесцеремонно разрезал окрик:

— Наследница Вальтерис!

Голос жреца оборвал натянутую до предела струну напряжения. Кай мгновенно отстранился. Его лицо в одно мгновение превратилось в непроницаемую маску, вернув себе привычную командирскую невозмутимость, но взгляд все еще обжигал мою кожу, словно раскаленное железо.

Стоило нам пересечь черту магического круга, как ледяной, первозданный голод, веками томившийся в пустоте, вгрызся в наши души. Печать, высеченная из холодного серебра и бездонного обсидиана прямо в камне, перестала

быть просто узором — теперь она напоминала разверстую, жаждущую плоти пасть невообразимого чудовища, готового поглотить нас целиком. На возвышении замерли главы Домов: Астор, Эльдар, Морвейны... И Рэйвен.

Он прислонился к колонне с той небрежной грацией, что всегда граничила с дерзостью, и смотрел на меня так, словно я была его личным, запретным триумфом. Его улыбка — едва уловимая, порочная и вызывающая — была подобна химической реакции: предвестником взрывного, разрушительного и чертовски притягательного хаоса.

— Испытание кровью станет тем самым клеймом, что свяжет наследника с древней печатью рода навечно, — голос Мирейн, вкрадчивый и монотонный, словно шелест змеи, гипнотизировал присутствующих, пока она склонялась над ритуальной чашей. — Кровь выберет того, в ком течет истинная сила, и выплюнет того, кто несет лишь разрушение.

Следующие двадцать минут превратились в бесконечную пытку, выжигающую человеческое достоинство. Младший наследник Эльдар, чье лицо превратилось в маску ужаса, сполз по стене, содрогаясь в конвульсиях, когда руны взвыли в яростном, нечеловеческом протесте, отвергая его наследие. В то же время инквизиторы, чьи движения были пугающе четкими и лишенными всякого сострадания, грубо тащили его сестру прочь.

— Лиора Вальтерис.

Мое имя разрезало тишину зала, оставляя после себя гул-

кое эхо. Кай, замерший за моей спиной, сместился — едва уловимое движение, ставшее живым щитом. Я кожей ощущала его сосредоточенность и то, как напряглись его крылья, готовые обрушиться на мир стальным куполом, если я не справлюсь. Когда я коснулась чаши, серебряное лезвие легло в ладонь с пугающим правом собственности, словно металл узнал меня. Под перчаткой метка на запястье отозвалась глухой, требовательной пульсацией, жадно впитывая магию, как хищник, почуявший добычу.

— Перчатку, — отрезала Мирейн.

Я не позволяла себе отвернуться, пока ткань медленно соскальзывала вниз. Студеный воздух подземелья коснулся обнаженной кожи, вырывая из толпы первый, рваный вздох. Черная отметина на моем запястье перестала быть просто памятью о боли. Она обрела плоть, начала пульсировать в такт моему сердцу — пугающе живая, словно темный корень, проросший сквозь вены. Отец, замерший на возвышении, казался теперь лишь безжизненным изваянием.

Я не дала им возможности осознать происходящее. Резкое движение лезвием — и по ладони пошла вспышка жара. Боль была почти осязаемой, странно притягательной. Тяжелые капли темной крови коснулись знака Вальтерисов. Тишина стала невыносимой, а в следующее мгновение реальность надломилась.

Серебро под моей кровью не просто засияло — оно поглотило свет, почернело, жадно впитывая мой цвет, словно при-

зная в этой жертве свою истинную госпожу. Древние руны, дремавшие веками, содрогнулись. С глухим, утробным скрежетом они пробуждались, меняя свою форму. Не по моей воле, не по приказу — они просто отозвались на зов моей тьмы, как подчиненные, узнавшие своего короля.

Чаша, выпавшая из рук жреца, грохнула так, будто выстрелили из пушки. Метка на запястье опалила кожу — не больно, а как-то пугающе нежно. А черное серебро на полу вдруг ожило: оно потянулось ко мне, словно ртуть, и на глазах затянуло старые трещины в камне.

Я замерла. Зал смотрел на меня, но в глазах не было почтения к наследнице — только животный, утробный страх. Они чувствовали: что-то пошло не так. И пока они дрожали, я с пугающей ясностью понимала: кровь не приняла меня и не отвергла. Она просто подчинилась. В этом ритуале не было третьего варианта. Тысячу лет круг делил наследников на достойных и опасных, но для меня в этой системе места не нашлось.

Отец побледнел. Его безупречная маска Великого Магистра треснула — он смотрел на меня как на стихийное бедствие, способное в любой миг обрушить его империю. Кай рванулся вперед. С оглушительным хлопком он расправил огромные белые крылья, закрывая меня от толпы, и сжал эфес двуручника. Инстинкт сработал быстрее мысли: он был готов разорвать любого, кто рискнет подойти.

И только Рэйвен Морвейн... он улыбался. Тихо и хищно.

С тем извращенным восторгом, с каким смотрят на приближающийся конец света, принимая его за долгожданное откровение.

— Этого не должно быть, — в ужасе выдохнул кто-то из младших Северинов.

— Замолчи! — оборвал его другой, но паника уже поползла по залу липкой, душлимой тенью. Я чувствовала ее физически: сбивчивое дыхание, запах пота, страх, бьющийся о стены.

— Руны... — прошептал Тарен Эльдар, все еще сидящий на полу после своего испытания. — Они меняются сами.

— Не может такого быть!

— Может, если кровь нестабильна, — бросил кто-то из толпы Эвертов.

Слово ударило сильнее клинка. Нестабильна. Кай мгновенно вскинул голову. Его голос, негромкий, но пропитанный ледяной яростью, заставил зал заткнуться:

— Следи за языком.

Только Сайрус Эверт не отвел взгляда. Безупречный ублюдок с той ленивой уверенностью человека, чья власть держится на чужих долгах.

— А что? — он издевательски развел руками. — Мы ведь здесь именно для этого. Испытания нужны, чтобы понять, кому можно доверить печати Солвейна.

Старое название страны прозвучало как пощечина. После Затмения Дом Морвейн потерял трон, а Вальтерисы получи-

ли право удерживать мир от распада.

— Любопытно слышать такое от Эвертов, — лениво, с бархатной угрозой протянул Рэйвен, отлепляясь от колонны. — Особенно когда держишься на золотых обязательствах, а не на магии.

— А ваш — на сказках о былом величии, — парировал Сайрус, и его улыбка сменилась оскалом.

Воздух в зале стал тяжелым, словно наэлектризованным; хватило бы одной искры, чтобы все взлетело на воздух.

— Достаточно! — голос отца разрезал тишину. — Испытание продолжается.

Но спокойствие было мнимым. Тарен Эльдар внезапно согнулся, издав надрывный, булькающий звук. Золотые линии под его ногами агрессивно вспыхнули, и по залу пронесся нечеловеческий вой — руны словно начали ломать металл прямо внутри камня. Тарена отбросило к колонне; когда он попытался подняться, по залу разнесся крик, от которого подгибались колени: золотые вены проступали на его шее, безжалостно прожигая плоть изнутри.

Начался кромешный хаос. Жрецы и инквизиторы метались в кругу.

— Это реакция на нее? — Сайрус бросил на меня обвиняющий взгляд.

Кай шагнул прямо между нами, наглухо закрывая меня своей тенью. Я услышала тихий скрип кожаных ремней на его груди — он подобрался перед броском.

— Попробуй договорить мысль, Эверт, — его голос был тихим, но в нем открыто плескалась жажда убийства.

Тарен захрипел, капли его крови брызнули на камень, и руны мгновенно погасли. Наступила тяжелая, ватная тишина. Когда окровавленный лекарь Эльдаров выдохнул: «Отклик разрушил сердце. Он мертв», — зал окончательно погрузился в оцепенение.

Я все еще стояла в центре, неподвижная и пугающе спокойная. Пока другие содрогались от ужаса, тьма внутри меня лишь довольно урчала, сыто принимая этот хаос за свой собственный.

Лисса Эльдар медленно подняла голову от трупа брата. Я ждала истерики, но она просто посмотрела на моего отца. На человека, который только что обменял жизнь ее брата на «сохранение политического цикла».

— Тело перенести в часовню, — распорядился отец, и его голос был сухим, как пепел. — Дом Эльдар получит право на траур после завершения испытаний.

— После? — Лисса моргнула, и в этом одном слове было больше концентрированной ярости, чем в любом крике.

— Сейчас остановка цикла поставит под сомнение результаты всех Домов, — отрезал он.

— Он был человеком, — выдохнула она. Тихо. Без надрыва. И именно это ударило меня под дых. — А вы уже превратили его труп в политический аргумент.

Я пыталась нащупать в себе ужас или жалость, но внутри

было слишком ровно. Мертвая, чужая тишина.

Когда жрецы унесли тело, в зале осталось липкое, дурное послевкусие.

— Следующий, — сухо бросила Мирейн.

Вперед вышел Кассен Варен. Он подошел к чаше, но смотрел не на руны. Он смотрел на меня.

— Ну? — негромко бросил он. — Если круг уже выбрал чудовище, зачем остальным вообще здесь находиться?

Чудовище. Слово повисло в воздухе. И самое страшное было в том, что пульсирующая под моей кожей тьма была с ним абсолютно согласна.

— Подбирай слова осторожнее, — Кай снова угрожающе подался вперед.

Кассен усмехнулся, хотя желваки на его скулах ходуном ходили от напряжения.

— А то что? Север снова начнет убивать за неудобные вопросы?

— Попробуй.

Отец медленно поднялся.

— Достаточно. Дом Варен хочет отказаться от испытания?

Кассен побледнел. Отказ означал слабость. А слабых здесь не прощали. Он выхватил клинок, полоснул по ладони и окропил серебро. Знак сокола вспыхнул тяжелым медным светом.

— Похоже, хоть у кого-то здесь кровь ведет себя нормаль-

но, — бросил он, проходя мимо.

Следом вышла Аделина Северин. Ее кровь отозвалась ледяным голубым пламенем, окутывая руны инеем.

— Закройте круг. Наследников развести по крыльям, — наконец скомандовал отец.

Кай повернулся ко мне. Его взгляд прошелся по лицу и замер на запястье, где все еще пульсировала черная метка. И в этот момент я поняла: за его яростной защитой прячется нечто иное. Глухой, тяжелый страх перед тем, во что я превращаюсь.

— Совет будет искать виновного, — глухо сказал он.

— Уже ищет, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Рэйвен проходил мимо, и на мгновение я почувствовала обжигающий мороз его теней. Он не остановился, лишь замедлил шаг возле моего плеча.

— Добро пожаловать в настоящие испытания, Вальтерис, — шепнул он, и его губы почти коснулись моего уха. — Теперь ты увидишь, что именно построил твой гребаный Дом.

Он растворился во мраке коридора, а я осталась стоять среди остывающих рун, четко понимая одну вещь: Тарен умер не из-за меня. Но после этой ночи весь мир сделает абсолютно все, чтобы я в это поверила.

Глава 3

Когда я спустилась в столовую, там уже всю кипела жизнь.

Не празднично — после смерти Тарена никто не осмелился бы смеяться в голос, — но Эларион жил по негласному закону: что бы ни случилось ночью, утром все должно продолжаться. Люди спорили, двигались, искали место у огня, а над столами висел густой пар от похлебки, смешиваясь с утренней стужей, тянущей из высоких окон.

Прежде чем войти, я машинально поправила рукав. Одежда для второго испытания была функциональной и бездушной: темная куртка с кожаными вставками, узкие ремни, высокие сапоги. Никакой роскоши, подобающей наследникам. Только броня для тех, кого собираются бросить в самое пекло. Серебряная вышивка Вальтерисов на воротнике неприятно резала глаз — я почти пожалела, что не накинула плащ, чтобы скрыть этот символ.

— Вальтерис! — Иара Хель замахала мне рукой. — Садись быстрее, а то Элион все сметет.

— Наглая ложь! — возмутился Элион Рикель, не прекращая жевать. Перед ним уже высились две пустые тарелки.

Я усмехнулась, сокращая расстояние между нами. За столом дома Хель и Рикель выглядели на удивление... приземленно. Никакого высокомерия, которое обычно сопровождает

ло заседания Совета — лишь та свинцовая усталость, что накрывает людей после бесконечной, выматывающей ночи.

Иара бесшумно пододвинула ко мне кружку, от которой поднимался пар.

— Пей, — бросила она, и в ее голосе проскользнула та мягкая забота, которую она позволяла себе крайне редко. — А то у тебя такой вид, будто ты готова проклясть любого, кто нарушит твоё личное пространство.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Я не шучу.

Первый глоток обжег язык, но следом по телу разлилось долгожданное, спасительное тепло. Элион наблюдал за мной поверх своей кружки — его взгляд был слишком пристальным, слишком изучающим.

— Ты правда совсем не испугалась вчера? — вопрос ворвался в тишину слишком резко, заставив меня замереть.

Я замолчала. Внутри все сжалось, превращаясь в тугую, сжимающийся узел.

— Испугалась, — ответила я. Это была правда, просто я не собиралась вываливать на него весь масштаб своего ужаса.

— А я думал, меня стошнит прямо на месте, — признался он, и его голос сорвался на едва слышный шепот. — Когда вены Тарена начали светиться...

— Во имя Света, избавь меня от этих подробностей хотя бы во время завтрака! — поморщилась Иара, закатив глаза.

— А когда? — Элион помрачнел. — Нам через час снова лезть в этот проклятый нижний предел.

— Спасибо, теперь и у меня аппетит пропал, — пробормотала девушка из младшей ветви Хелей, едва заметно отодвигая тарелку.

Мой взгляд невольно метнулся к соседнему столу. Там, словно в вакууме, отделенном от общего хаоса стеклянной стеной, сидела Аделина Северин. Ее осанка была пугающе безупречной, а движения — выверенными до миллиметра, пока она невозмутимо намазывала масло на хлеб. Идеально уложенные серебристые локоны, ни одной выбившейся пряди, и этот взгляд... ледяной, пронзительный, заставляющий кровь стечь в жилах. Казалось, мир вокруг не просто не рушился, он послушно выстраивался по ее правилам. Я почувствовала знакомый укол раздражения: я ненавидела людей, способных сохранять такую ледяную собранность, когда все вокруг катилось к чертям.

— Северины уже делают ставки, — Элион наклонился к моему уху, обдав кожу теплым дыханием. Его голос был полон того самого азартного блеска, который всегда предвещал неприятности. — Спорят, кто первым сбежит из Нижнего предела.

— И кто у них в фаворитах? — я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри все сжалось.

— Я, разумеется, — самодовольно шепнул он.

— Справедливо, — подала голос Иара, даже не поднимая

глаз от своей чашки.

— Предатели! — возмутился Элион, но я уже не могла сдержать короткий, нервный смешок.

В этот момент тяжелые двери распахнулись с глухим ударом. Шум в зале начал стихать волнами, словно кто-то медленно выключал звук: сначала замолкли те, кто сидел у входа, затем тишина поползла дальше, съедая голоса гостей.

Северяне.

Первым вошел Кай, и свет залитых солнцем залов Элариона словно споткнулся о его присутствие — черная форма казалась живым провалом в самой реальности. Плотная ткань бесстыдно обрисовывала широкие плечи и мощную грудь, но я не могла отвести взгляд от его крыльев. Огромные, ослепительно белые, они тяжело колыхались за спиной, а я завороченно наблюдала, как с перьев медленно тают крошечные капли снега. Он был на улице еще до рассвета. Пока мы отчаянно пытались украсть у судьбы хотя бы пару часов сна, Север в одиночку патрулировал периметр собора, превращая холодную ночь в свое личное поле битвы.

Он выглядел измотанным, в глубине его глаз застыла тяжелая усталость, но он двигался с той пугающей, хищной грацией, которая бывает только у людей, привыкших встречать смерть лицом к лицу. Слишком спокойный для того, кто видел ночью, как сходят с ума печати.

За ним вошли остальные. А следом — Морвейны.

Рэйвен появился последним, на ходу натягивая черные

перчатки. Расстегнутый плащ, влажные волосы и это его раздражающее, ленивое спокойствие. В зале сразу стало тише. Морвейнов здесь терпели, но не любили: между ними и Вальтерисами слишком много старой крови и обид.

Рэйвен скользнул взглядом по залу и замер на мне. *Это ощущалось почти физически. Проклятье.*

— Доброе утро, наследники, — лениво протянул Сайрус Эверт. — Приятно видеть, что после смерти человека у всех еще остается аппетит.

— Эверт, — устало выдохнула Иара. — Ты можешь хотя бы пять минут не бесить людей?

— Нет.

Элион тихо фыркнул. Кай тем временем подошел к столу инквизиторов.

— Второе испытание начнется через сорок минут, — произнес он, обводя присутствующих тяжелым взглядом. — После завтрака все собираются во внутреннем дворе.

По залу прошел недовольный ропот.

— Нижний предел и правда настолько ужасен? — голос одной из младших последовательниц Северин дрогнул, выдавая скрытый страх.

Кай выдержал паузу, и в этой тишине повисло тяжелое предчувствие.

— Хуже, — ответил он. В его голосе не было лишнего драматизма, только сухая, лишенная надежды реальность.

Рэйвен, небрежно прислонившийся к колонне, скрестил

руки на груди. Его поза казалась расслабленной, но я знала, что он предельно собран.

— Если вам станет легче, — протянул он, и в его тоне проскользнула едва уловимая ирония, — вероятность погибнуть там сегодня не так уж велика.

— Свет, ну и поддержка от тебя, — буркнул Элион, закатив глаза.

— Это врожденный талант, — возразил Рэйвен.

Я не удержалась и тоже закатила глаза. Рэйвен заметил. Разумеется, заметил. Его взгляд задержался на мне чуть дольше, чем того требовали приличия — не насмешливый, а какой-то странно изучающий, словно я была сложной задачей, решение которой ускользало от него. И это задевало меня куда сильнее, чем его привычное, понятное всем высокомерие.

Внутренний двор Элариона встретил нас ледяным дыханием смерти. Снег утих, но каменные плиты все еще сочились влагой, поблескивая под коварной ледяной коркой. Воздух, пропитанный морозом, гарью и едким металлическим привкусом, словно кричал о том, что собор все еще содрогается от ран, нанесенных Разломом. Над шпилями медленно разгоралось небо — тяжелое, свинцовое, лишенное даже тени надежды. Наследники выходили из арок, подобные теням самих себя: кто-то судорожно кутался в плащ,

кто-то шептал молитвы или проклятия. После смерти Тарена между нами пролегла бездна — невидимая, но острая, как лезвие кинжала. Еще вчера это было состязанием, игрой амбиций, а сегодня превратилось в марш обреченных.

Во внутреннем дворе нас ждали вейры.

Сердце пропустило удар, пульс застучал в висках. Они выстроились вдоль северной стены — огромные, неподвижные изваяния из чешуи и ярости, воплощение первобытной мощи и магии, что текла в их жилах, как расплавленное золото. Даже со сложенными крыльями они не просто занимали место — они владели этим миром, превращая двор в алтарь своей воли. На черных камнях хищно, с издевкой, поблескивали когти, а из приоткрытых клювов вырывались призрачные клубы пара, похожие на дыхание смерти.

Вейра Кая я узнала мгновенно. Белый. Он не просто выделялся — он ослеплял, подобно вспышке сверхновой в бездне. Его серебристые чешуйки сияли потусторонним светом, а в теплых янтарных глазах застыла безмолвная вечность, видевшая падение империй. Он сидел неподвижно, но эта тишина была обманчивой: в нем пульсировала сила, способная крошить горы и обращать в пепел целые королевства.

Элион рядом едва слышно присвистнул.

— Каждый раз забываю, насколько они огромны.

— Пока не окажешься у них на спине, — огрызнулась Иара, сжимая кулаки. — Тогда страх станет твоим единственным спутником.

— Спасибо за оптимизм, — я выдавила из себя подобие улыбки. — Теперь я точно знаю, от чего умру.

Вейры не принадлежали ни Домам, ни Ордену. В забытых хрониках их именовали «*детьми разломов*», и это имя несло в себе привкус запретной магии. После Затмения именно они стали щитом Солвейну, закрывая своими крыльями нестабильные трещины, где реальность распадалась на части.

Но связь с ними была проклятием. Настоящий союз не признавал границ — он переплетался душами. Печать всадника и вейра связывала их так крепко, что смерть одного неизбежно тянула за собой другого. Я видела это в детстве и с тех пор поклялась никогда не позволять себе привязанности, которая может обернуться пустотой.

В дальнем конце двора, отдельно от остальных, стоял вейр Морвейнов. Черный как смоль.

Смотреть на него было все равно что трогать языком больной зуб. Нас всех растили на одной и той же истории — ее рассказывали в храмах, вшивали в учебники, выбивали на памятных стелах. Шестнадцать лет назад чернокрылые вейры Дома Морвейн вошли в Разлом. Никто не знал зачем. Знали только, что вышло оттуда: *Затмение*. Три дня без солнца, треснувшие печати, мертвые города вдоль северной границы.

Морвейнов не казнили — для этого они были слишком древней кровью. С ними поступили хуже. Их оставили

жить. С черными вейрами, на которых плевали вслед, с домом-призраком и с историей, в которой их имя навсегда стояло рядом со словом «предатели».

Я верила в эту историю всю свою жизнь.

У меня просто никогда не было причин задавать вопрос, который сейчас лениво царапнул где-то на дне сознания: если Морвейны открыли Разлом — почему из всех Домов только их вейры умеют его слышать?

Я отогнала эту мысль. *Не сегодня.*

Кассен Варен подошел к темному зверю с бронзовыми блестящими чешуйками. Тот издал предупреждающий щелчок, но позволил коснуться своей шеи.

— Твой сегодня пахнет жадной крови, — заметил Элион.

— Он чувствует мой гнев, — сухо отрезал Кассен.

— Тогда нам всем лучше не попадаться ему на глаза.

Короткий нервный смешок прорезал напряжение, но оно не исчезло, а лишь свернулось клубком где-то в глубине двора.

У подножия далекой стены младшие Северины обходили ледяного вейра Аделины, от его когтей, подобно смертоносному узору из белого пламени, по камню расползалась колючая корка инея.

— Назад, — бросила Аделина, не удостоив девушку даже взглядом. — Если он почувствует твой страх, я не успею его усмирить.

Девушка отпрянула, словно от удара.

— Она всегда такая... очаровательная? — шепнула Иара.

— Только когда не собирается кого-нибудь растерзать, — отозвался Элион, почесав кончик носа.

Я лишь тихо хмыкнула, чувствуя, как внутри нарастает глухое напряжение.

Когда появились инквизиторы, разговоры оборвались, словно перерезанная нить. Мирейн стояла у центральной арки, непоколебимая, как статуя. Ветер трепал ее плащ, но взгляд оставался стальным.

— Нижний предел был запечатан шестнадцать лет назад, — ее голос, чистый и властный, заполнил пространство. — Из-за повреждения внутренних рун коридоры снова открылись. Ваша цель — пройти маршрут до южного узла и вернуться живыми. Если это возможно.

— А если магия сойдет с ума? — выкрикнул кто-то из Варенов.

Мирейн подняла глаза, и в них не было сочувствия.

— Тогда вы поймете, почему этот коридор считали мертвым.

Прекрасная мотивация.

Я посмотрела на стены Элариона. Снаружи он казался оплотом света: величественный белый камень, золотые руны, шпили, пронзающие небо. Символ порядка. Но я знала правду. Под этим сиянием скрывалась гниль: мертвые рунники, разорванные печати и тайны, за которые Орден готов убивать.

Рядом возник Рэйвен. Он не коснулся меня, но я почувствовала его присутствие — тяжелое, как приближающаяся буря. Сегодня на нем не было плаща Морвейнов, лишь темная форма, делавшая его почти невидимым на фоне черного камня колонн.

— Ты смотришь на Нижний предел так, словно уже переступила его порог и смирилась с приговором, — его голос прозвучал низко, почти у самого моего уха, обжигая кожу, вызывая волну мурашек на шее.

— А как мне смотреть? — я резко повернулась, пытаюсь скрыть, как сильно дрожат мои пальцы.

— Обычно люди молятся, — он сделал шаг ближе, сокращая расстояние до опасного минимума, — или хотя бы дрожат от страха.

— Не думаю, что сейчас время для молитв и исповедей, — я вскинула подбородок, встречая его тяжелый, изучающий взгляд.

Он коротко усмехнулся. В этом звуке не было издевки — лишь темное, пугающее понимание, заставившее мое сердце пропустить удар.

На другом конце двора Кай проверял крепления седла, и каждое его движение было пропитано ледяным спокойствием. Его белые крылья едва заметно подрагивали на ветру, почти сливаясь с серебристым, чешуйчатым блеском кожи вейра. Оба существа замерли в пугающем единстве — два северных хищника, чья природа была выкована снегом и кро-

вью.

Было немислимо видеть его здесь спустя два года, но еще более жутко было то, с какой естественностью он вернулся, словно тень, никогда не покидавшая этих стен. В свои двадцать четыре он уже носил титул Лорда Севера: два года назад его отец, Рейнар Астор, занял место в Совете Ордена, а Кай принял Испытания еще тогда. Теперь его возвращение было лишь политической игрой, формальным жестом в партии, где на кону стояли жизни.

— Наследники, построиться! — скомандовал инквизитор.

Вейры вскинулись. Тяжелый скрежет когтей о камень, мощный взмах крыльев, поднявший в воздух снежную пыль, и оглушительный шум перьев. Двор наполнился звуками, которые предвещали либо триумф, либо катастрофу.

И впервые за утро я почувствовала не страх.

Предчувствие.

Колонна медленно спускалась в недра Элариона. Шум столовой, звон фарфора и скрип дверей остались наверху; теперь слышались лишь наши шаги, шелест плащей и мерное мерцание рунных фонарей инквизиторов.

Лестница, вырезанная в скале, уходила вниз широкими полукружиями. Вместо белого мрамора собора здесь был темный, влажный камень с глубокими прожилками. На сте-

нах мерцали древние руны, чей смысл давно стерся.

С каждым пролетом воздух становился тяжелее. Сначала пришла сырость и запах гари, затем — металлический привкус железа, а ниже проступил сладковатый аромат увядших цветов и запекшейся крови. От этого запаха желудок свело ледяным спазмом.

Впереди послышался рык — Элион едва не поскользнулся.

— Если я расшибу голову еще до начала испытания, передайте матери, что я погиб героически, — процедил он.

— Сомневаюсь, что «смерть от падения с лестницы» достойна места в хрониках Солвейна, — сухо отрезала Иара.

Элион мрачно взглянул на нее, но уголок его рта дрогнул. Эта колкость была единственным, что удерживало нас от безумия. Тишина здесь не дарила покоя — она прислушивалась к каждому вздоху.

Я видела, как наследницы Хелей прижимались к кузинам, как побледнел Кассен Варен и как Аделина Северин крепко сжала ремень на поясе. Лишь Морвейны оставались спокойными. Рэйвен шел впереди, ведя ладонью по стене. Его вейр следовал за ним бесшумной тенью — огромный зверь с серебряными полосами на крыльях.

— Они уже бывали здесь, — прошептала Иара.

— Морвейны?

— Их Дом охранял разломы еще до того, как Вальтерисы воздвигли свой трон.

Сейчас самый подходящий момент, чтобы он «случайно» столкнул меня с очередной ступеньки.

Мирейн замерла перед высокой аркой с костяным остовом. Серый камень был испещрен трещинами, а часть рун почернела.

— Клинки — в ножны. Полностью, — она не повысила голос, но колонна замерла. — Кто обнажит сталь без моего приказа — останется здесь.

— Вы ведете нас к чудищам и запрещаете оружие? — Кассен Варен шагнул вперед, и его пальцы уже лежали на эфесе.

— Я веду вас по месту, которое шестнадцать лет питалось магией мертвых рунников, — Мирейн наконец повернулась к нему. — Оно голодно. Обнаженная сталь с рунной заточкой для него — как кровь в воде. Хотите проверить, кто приплывет на запах, — пожалуйста. Только отойдите от остальных шагов на двести.

Кассен медленно убрал руку.

— Дальше — три правила, — Мирейн обвела нас взглядом, задерживаясь на каждом ровно на секунду. — Не прикасайтесь к стенам: камень помнит, а вам не понравится то, чем он захочет поделиться. Не сходите с рунной тропы: она — единственное, что предел не может переварить. И третье.

Пауза. Где-то в глубине прохода капала вода — медленно, терпеливо, как метроном.

— Если услышите голос того, кого любите, — не отвечайте. Предел не читает мысли. Он читает дыры в вас. Горе. Ви-

ну. Все, что вы не похоронили, он выкопает и поставит у вас на пути. — Ее взгляд на долю секунды остановился на младшем Вессаре. — Оно будет звучать настоящим. Оно будет просить. Тот, кто ответит, сойдет с тропы сам. Нам даже не придется его терять — он потеряется добровольно.

— А если у кого-то нет дыр? — криво усмехнулся Элион.

Мирейн уже отворачивалась к проходу.

— Тогда вам нечего бояться. Проверим.

Никто не засмеялся.

Фонари вспыхнули ярче. Нижний предел напоминал оскверненный храм: высокие колонны терялись в пустоте, а между ними тянулись серебряные нити печатей. Вдоль стен стояли мертвые рунники. Некоторые сидели у подножий колонн, другие лежали в церемониальных одеждах. Их кожа почернела от рунных ожогов, а пальцы застыли в судорожных попытках удержать магию.

— Свет... — выдохнул Элион. — Они просто оставили их здесь гнить?

— Нижний предел запечатали после Затмения, — ответила Мирейн. — Не всех удалось спасти.

Мы шли дальше, и мир вокруг начал искажаться. Руны на полу едва заметно пульсировали, в темноте между колоннами мелькали хищные тени.

А потом мне показалось, будто кто-то тихо произнес мое имя.

Лиора.

Шепот прозвучал прямо над ухом.

Я резко обернулась. Позади был только пустой коридор и дрожащий свет рунных фонарей. Затылок свело ледяной судорогой.

Когда я повернулась обратно, Рэйвен, шедший впереди, тоже остановился. Он смотрел не на остальных наследников — прямо на меня.

— Ты тоже это слышала? — негромко спросил он.

Тоже. Одно слово — и пол качнулся у меня под ногами. Потому что вокруг нас шли два десятка человек, и ни один из них даже не сбился с шага.

— Почему «тоже»? — мой шепот вышел резче, чем я хотела. — Почему ты — и почему я?

Что-то прошло по его лицу. Быстрое, как тень крыла, — и я могла бы поклясться, что это была досада. На самого себя. Он сказал на одно слово больше, чем собирался.

— Морвейны слышат предел, — наконец произнес он. Ровно. Как зачитывают приговор. — Всегда слышали. За это нас и.. — он не договорил, дернув углом рта. — Это наследное. Это кровь.

— А я не Морвейн.

— Нет, — его взгляд опустился — на долю секунды, но я почувствовала его на своем левом запястье, как прикосновение. — Не Морвейн.

Он отвернулся первым. И от того, как он это сделал — слишком быстро, слишком ровно, — мне стало холоднее,

чем от любого шепота из тьмы.

А потом впереди, в густой тьме, раздался крик.

Вопль вспорол тишину, острый и неистовый, словно лезвие, вонзенное в плоть. Высокий, захлебывающийся, он был пропитан таким неприкрытым ужасом, что внутри у меня все свело.

Я вскинула голову, ища источник звука, но процессия продолжала свое мерное движение. Элион что-то вкрадчиво шептал Иаре, одна из младших Хелей судорожно поправляла ремень на плече, а инквизиторы даже не сбавили шаг, их движения были пугающе синхронными. Никто не обернулся. Казалось, этот рев был лишь игрой ветра, а не предсмертным стоном.

Холод медленно, с ядовитой грацией, пополз под мою кожу. Рэйвен тоже замер. Всего на краткий, едва уловимый миг, но я увидела, как окаменели его плечи. Его вейр за спиной издал сухой щелчок клювом и расправил перья вдоль шеи — так хищник, заведший в тени добычу, готовится к броску.

— Ты слышал? — мой шепот едва не утонул в тяжелом воздухе.

Рэйвен не ответил. Его взгляд, темный и сосредоточенный, впился в непроглядную бездну между колоннами. А затем звук вернулся. Тише, но от этого не менее жутко. Теперь это был не крик, а рваный, судорожный вдох.

— Помогите...

Сердце пропустило удар. Голос был женским, молодым и до боли, до безумия настоящим. Впереди Мирейн вела колонну по рунной тропе, и серебристое сияние магии плавно расстилалось под ногами наследников, создавая иллюзию безопасности. Никто не замечал, что мы с Рэйвеном превратились в изваяния.

— Они не слышат, — произнес он. Впервые в его голосе не было привычного яда и насмешки — лишь глухая, тяжелая тревога.

— Что это? — я с трудом сглотнула комок в горле.

— Не знаю.

И эта честность пугала меня больше всего. Рэйвен Морвейн никогда не признавал своего невежества.

Шепот повторился. Теперь он лился совсем рядом.

Лиора.

Но голос изменился — стал низким, мужским, вибрирующим. У меня перехватило дыхание. Нет. Это был не просто чужой голос. Он был... узнаваем. Слишком узнаваем.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Рэйвен резко обернулся ко мне, его глаза сверкнули в полумраке:

— Ты побледнела.

— Это невозможно, — выдохнула я. Этот голос принадлежал тому, кто давно обратился в прах.

И тогда я заметила то, от чего внутренности скрутило в ледяной жгут.

Метка молчала.

Весь вечер Равноденствия она жгла, рвала, пульсировала — на церемонии, при треске печати, рядом с обращенным послушником. Чем ближе чужая искаженная магия, тем громче она выла под кожей. Я уже начала считать ее сигналом тревоги.

Но сейчас, когда из тьмы звал голос мертвеца, — она была тиха. Спокойна. Почти... дома.

Думай, Лиора, думай.

Если метка реагирует на тварей Предела, но безмолвствует сейчас, значит, голос из темноты — не одна из них.

Оно — то же самое, что живет во мне.

Тьма между колоннами дрогнула, обретая плотность. Мне почудилось, что там, в самом сердце мрака, застыла высокая фигура. Руны на стенах судорожно мигнули, и в следующий миг по коридору ударила такая волна могильного холода, что пламя фонарей инквизиторов испуганно затрещало. Колонна впереди наконец замерла.

— Что за чертовщина? — раздраженно бросил Кассен.

Один фонарь погас, погружая нас в полумрак. Следом — второй. Тени на стенах ожили, рванувшись вперед, словно голодные звери.

А в воцарившейся тишине веёр Рэйвена издал низкий, глухой рокот, предвещающий неизбежное.

Воздух в Нижнем пределе стал тяжелым, словно пропитанная грязью мокрая ткань.

Наследники невольно замедлили шаг, прижимаясь друг к другу в поисках защиты. Даже инквизиторы потеряли свою невозмутимость: я видела, как один из них сжал рунный фонарь так, что тот заскрипел, а другой дрожащими пальцами коснулся защитной печати на груди.

Мирейн остановилась и медленно подняла руку.

— Не сходить с тропы, — повторила она почти шепотом, но голос прорезал тишину, как лезвие.

— Что бы вы ни увидели по ту сторону.

Руны под ногами тускло мерцали, прокладывая узкую, ненадежную дорожку. За ее пределами начиналась вязкая чернота, в которой массивные колонны просто растворялись, будто их сжирала бездна.

Рэйвен все еще шел впереди. Его вейр вдруг низко зарычал, прижал перья к шее и агрессивно клацнул клювом, хлестнув хвостом по камню.

Это мне пиздец как не понравилось. Существа, живущие в разломах и питающиеся магией, не станут беспокоиться просто так.

— Продолжаем, — жестко бросила Мирейн.

Колонна двинулась, но шаги стали другими — осторожными, рваными. Мы ступали так, словно под ногами тонкий лед.

Элион нагнал меня почти сразу, тяжело дыша.

— Скажи мне честно, — пробормотал он, нервно дергая ремень куртки. В этой мертвой тишине его голос прозвучал

слишком громко. — Если оттуда сейчас полезет какая-нибудь древняя мутировавшая дрянь... у нас вообще есть шанс выбраться живыми?

— Твой оптимизм просто окрыляет, — закатила глаза Иара, пихнув его локтем. — Заткнись и иди.

— Я серьезно, Иара. Нам даже сталь обнажать запретили...

— У нас нет ни единого шанса, — холодный голос Аделины Северин оборвал перепалку. Она прошла мимо, даже не взглянув на нас, лишь привычным жестом поправила перевязь с кинжалами. — Если магия сорвалась с цепи, мы все сдохнем. Так что постарайся умереть тихо и не путаться под ногами.

Элион уставился ей в спину с открытым ртом.

— Эта сука вообще умеет разговаривать как нормальный человек? — потрясенно шепнул он.

— Нет, — в унисон ответили мы с Иарой.

На секунду мне стало легче. Совсем чуть-чуть.

А потом впереди снова что-то изменилось.

Я уловила это раньше, чем поняла, что именно изменилось. Руны под сапогами мелко дрогнули, а серебряный свет помутнел, будто сквозь него проскользнула ледяная тень. Вейры напряглись, издав глухой рык. По коридору прошел низкий рокот — не звук, а вибрация, от которой до тошноты заныли кости.

Кай резко вскинул руку, его белые крылья замерли в го-

товности.

— Стоять, — рявкнул он.

Колонна замерла. Кто-то сзади сдавленно охнул.

Из темноты донеслось влажное, рваное дыхание. Будто кто-то пытался втянуть воздух разорванными в клочья легкими.

Не человеческое.

Иара медленно опустила ладонь на рукоять клинка. Кожа оплетки тихо скрипнула, и в этой тишине звук показался оглушительным.

— Какого хрена там происходит? — сглотнув, прошептал Элион, пятясь назад.

— Заткнись и смотри в оба, — процедил Кассен Варен. Он был бледнее обычного, а его пальцы так вцепились в рукоять меча, будто он готов был сломать эфес.

Рэйвен прищурился, вглядываясь в черноту между колоннами.

— Там кто-то есть, — он не отводил взгляда.

— Рунники? — дрожащим голосом спросила одна из младших Хелей.

Он не ответил.

В темноте что-то шевельнулось. Медленно, ломано, словно тело забыло, как двигаться.

Из круга серебряного света вышла фигура в изодранных, окровавленных белых одеждах Ордена. Женщина. Точнее... то, что от нее осталось.

— Твою мать... — выдохнул кто-то из северян.

Одна сторона ее лица буквально расплавилась от рунных ожогов. Под омертвевшей кожей, как живые черви, пульсировали золотые трещины. Они вспыхивали в такт ее хриплому дыханию. Пальцы были вывернуты под неестественными углами, кости прорвали плоть, но она, казалось, не замечала этого, волоча за собой изогнутый клинок.

А глаза... Светлые, широко распахнутые и абсолютно пустые.

— Проклятье, — едва слышно прошептал Элион, натываясь на мое плечо.

Женщина сделала еще один шаг. Серебряные руны под ее босыми ногами начали с шипением гаснуть, пожираемые ее присутствием.

— Оружие к бою! — гаркнула Мирейн, выхватывая кинжалы. — Никому не сходить с тропы!

Лязг обнажаемой стали прокатился по колонне — запрет был снят, и руки рванулись к эфесам с голодным облегчением.

Но зараженная не смотрела на советницу или на Кая. Она не обращала внимания на рычащих вейров.

Ее мертвый взгляд был прикован прямо ко мне.

И в этот момент тьма под моей кожей, спавшая под перчаткой, жадно и радостно шевельнулась в ответ.

Зараженная дернулась. Резко, неправильно. Так быстро, что я сначала услышала тошнотворный хруст выворачивае-

мых суставов, и только потом поняла — она сдвинулась.

— Назад! Всем назад! — крикнул Кай, срываясь с места.

Его белые крылья распахнулись с тяжелым, оглушительным ударом, отбрасывая нас назад и перекрывая тропу. Наследники с руганью шарахнулись друг к другу, зазвенела сталь. Одна из младших Хелей судорожно всхлипнула, вцепившись в кузину.

Но женщина не смотрела на инквизиторов. Она смотрела только на меня.

Ее голова медленно склонилась набок. Движение было ломаным, дерганным, будто вместо шеи у нее — ржавые шарниры. Из почерневшего от рун рта вырвался влажный хрип. А потом она улыбнулась. Губы треснули, обнажая потемневшие зубы.

Внутри все обледенело. Желудок скрутило спазмом: это не была просто гримаса безумного монстра.

— Лиора... — прохрипела рунница. Казалось, она выкашливает собственную кровь вместе с буквами.

Элион отшатнулся так резко, что больно врезался мне в плечо.

— Какого хрена эта тварь знает твое имя?! — прошипел он, лихорадочно перехватывая кинжал дрожащими пальцами.

— Заткни пасть и не сворачивай с тропы, — процедил Кассен Варен. Он даже не повернул головы, но я видела, как расширились его глаза, а лезвие меча мелко дрожит в руках.

Рэйвен шагнул в сторону — плавно, как текучая вода. Он вытянул из ножен длинное черное лезвие, и оно тут же хищно вспыхнуло серебром.

— Она не должна разговаривать, — тихо сказал Морвейн. Его спокойствие пугало сильнее любого крика.

Мирейн сделала осторожный шаг вперед, выставив ладонь с зажженной печатью.

— Рунница, назови имя. Приказываю именем Магистерииума.

Женщина снова судорожно дернулась. Под мертвой кожей ярче вспыхнули золотые трещины. Она зашаталась, хватаясь вывернутыми пальцами за голову, будто внутри нее что-то с хрустом ломалось.

— Эл... рейн... — хрип сорвался в булькающий кашель. — Не... подходите... беги...

На последних словах ее голос сломался. Он стал низким, вибрирующим, двоящимся, словно из одного разорванного горла говорили сразу двое. Чужой голос.

И в следующий миг она закричала. Это был не крик боли, а оглушительный, пробирающий до костей визг слепой ярости. Она рванулась вперед так стремительно, что серебряные руны под ее босыми ногами взорвались искрами.

— ТРОПА! Держать тропу! — заорал инквизитор.

Все случилось за долю секунды.

Кай метнулся наперерез. Он занес тяжелый меч, вкладывая в удар всю массу тела, чтобы отбросить тварь за границу

серебра. Но Рэйвен оказался быстрее. Тень у его сапог вскипела черным туманом, он буквально растворился в воздухе и соткался из мрака прямо перед зараженной, обойдя Кая. Его клинок со свистом метнулся к ее шее.

Но она была нечеловечески быстрой. Зараженная отмахнулась от клинка, оставив на рукаве Рэйвена рваную дыру, и на безумной скорости врезалась в Кая. Раздался страшный удар плоти о плоть. Огромного, закованного в броню северянина протащило по камню на добрых два метра, его сапоги высекли искры из рун.

— Свет, да что это за пиздец?! — в панике заорал Элион.

Женщина снова взвизгнула, отбрасывая Кая в сторону, и золотые руны на ее теле вспыхнули ослепительной яростью.

И в этот миг я почувствовала это. Тьма под моей кожей, спавшая под кружевом перчатки, взорвалась. Метку обожгло не болью, а диким, пульсирующим жаром. Это был не страх. Моя тьма тянулась к зараженной. Жадно. Хищно. Будто узнавала в этом искаженном золоте и гнили что-то бесконечно родное. Мне захотелось шагнуть к ней.

Дыхание сбилось, пальцы судорожно впились в ладонь.

И сквозь этот жар, сквозь хаос и звон стали, какая-то холодная, отстраненная часть меня продолжала считать.

Раньше, когда из ледяной тьмы доносился мертвый шепот, метка хранилась в безмолвии. Она узнавала своих, оставаясь тихой, но на того послушника в соборе она взвыла — чужака, не принадлежащего этому миру. Но сейчас, глядя на

Элрейн, она не затихала и не кричала.

Она пульсировала, жадно стремясь к ней. Так тянется душа к той, которую наконец обрела после долгих лет забвения.

Свет милосердный. Эта женщина была заперта здесь шестнадцать лет — и то, что выжгло ее изнутри, то, что ползало золотыми трещинами под ее мертвой кожей, было одной крови с тем, что жило во мне.

Не похожим. Одним.

Я смотрела на нее — и видела не тварь.

Я видела приговор.

Рэйвен, только что увернувшийся от удара, резко повернул голову. Слишком внимательный. Его темные глаза безошибочно нашли мою сжатую руку.

Он заметил. Проклятье, он все понял.

— Лиора, не двигайся! — выкрикнул Кай, с трудом поднимаясь с колен.

Но было поздно. Зараженная замерла посреди схватки, проигнорировав лезвие, скользнувшее по ее плечу. Ее пустые, выцветшие глаза снова нашли меня. Треснувшие губы изогнулись в жутком подобии нежности.

А затем она отшвырнула жреца с дороги — тот покатился по камню — и рванула прямо ко мне.

Я не успела даже вздохнуть.

Зараженная рванула вперед с такой скоростью, что превратилась в смазанное пятно. Серебряные руны под ее босы-

ми ногами не просто гасли — они с шипением лопались, будто священная тропа умирала от ее гнилого прикосновения.

— Держать линию! — гаркнула Мирейн, выхватывая второй клинок.

Наследники с руганью бросились назад, ломая строй. Кто-то в панике выхватил оружие так резко, что лязг стали ударил по ушам. Одна из младших Хелей едва не сорвалась с края тропы, но Иара вовремя вцепилась в ее воротник и рывком оттащила за спину, чудом удержав равновесие.

Кассен Варен бросился наперехват. Его меч вспыхнул раскаленной медью, рассекая спертый воздух, но тварь изломанным, текучим движением уклонилась. Она изогнулась под немислимим углом, и клинок лишь скользнул по ее плечу, выбив фонтан золотых искр из почерневшей кожи.

— Какого хрена она такая быстрая?! — заорал Элион. Он пятился, едва не спотыкаясь о собственные ноги, и судорожно сжимал дрожащий кинжал.

Зараженная даже не посмотрела на Варена. Она неслась прямо ко мне.

Кай глухо выругался сквозь зубы и сорвался с места. Его белые крылья ударили по воздуху с такой мощностью, что ледяная пыль и вековой пепел поднялись глухой стеной.

Но женщина добралась первой. Ее искалеченные пальцы мертвой хваткой сомкнулись на моих запястьях.

Холод. Нет, не просто холод — что-то гораздо более древнее. Ледяной яд, прошивший вены насквозь. Метка под пер-

чаткой взорвалась такой болью, что в глазах мгновенно потемнело. Воздух выбило из легких. Мир исчез.

Огонь. Запах пепла и горелого мяса. Черное небо над головой было разорвано пульсирующими золотыми трещинами. Я стояла посреди громадного круга в черной скале. Руны под ногами горели не серебром, а живым, обжигающим светом, и сам воздух дрожал от удушающей магии.

Вокруг кричали люди в темных церемониальных одеждах. Их лица скрывали маски, а за спинами виднелись крылья. Черные. Огромные, живые, с матовыми перьями, которые будто поглощали свет. Они двигались тяжело, словно тьма дышала у них за спинами.

В центре круга стоял мужчина с невероятно длинными крыльями. Он держал ладонь над расколотой печатью, и золотые руны ползли по его руке, прожигая кожу и вплавляясь в вены.

А у самого края круга, там, где огонь встречался с тьмой, стояла женщина.

Она не кричала вместе с остальными. Она держала ладони над рунами — спокойно, почти нежно, как держат руки над спящим ребенком, — и пламя обтекало ее, не смея коснуться. Лица я не видела. Только линию плеч, до боли знакомый наклон головы.

И серебро в темных волосах. Серебро Вальтерисов.

Я рванулась к ней — всем существом, через огонь и время, — но видение уже трещало по швам.

— Печать рушится! Закрывайте ворота! — надрывались люди в толпе.

Но он стоял непоколебимо. Я не видела лица, только мощный силуэт и черные перья, медленно осыпающиеся в огонь. А потом он чуть повернул голову. И я почувствовала его взгляд даже сквозь время. Прямо на себе.

Мир содрогнулся. Руны под ногами взорвались, черные крылья распахнулись над пламенем — и я с хрипом задохнулась, когда реальность с размаху ударила меня по лицу.

Колени подогнулись. Острый камень впился в ноги прежде, чем я поняла, что падаю.

В Нижнем пределе творился хаос. Зараженная все еще держала меня, но теперь она судорожно дергалась, будто невидимая сила ломала ее позвоночник. Из ее рта на мой плащ хлынула черная кровь.

— Оттащите ее! — сорванным голосом крикнула Мирейн.

Иара метнулась вперед. Руны на ее куртке вспыхнули синим, и она ударила ладонями по камню, связывая ноги твари морозными нитями.

— Сейчас! — заорала она.

Кассен ударил следом. Медный свет его клинка с влажным хрустом вонзился твари в бок. Женщина пошатнулась, но не отпустила меня. Элион, белый, как мел, все же нашел в себе силы: он всадил кинжал ей прямо между ребер и в ужасе отскочил, поскользнувшись на крови.

— Свет, свет, да сдохни уже! — бредил он.

Хватка на долю секунды ослабла, и в этот миг меня резко дернули назад. Не Кай. Рэйвен.

Черные тени, густые, как чернила, отсекали руки твари от меня. Рэйвен буквально вырвал меня из ее захвата, прижав спиной к своему телу. Я чувствовала бешеный ритм его сердца. От него пахло кардамонном, горячей кожей и теплом раскаленного очага — запахом агрессивной магии.

— Ты хоть иногда своей головой думаешь, Вальтерис?! — прорычал он мне в ухо. В его голосе не было привычной насмешки, только чистая ярость.

Я хотела огрызнуться, но легкие, обожженные видением, отказывались принимать воздух.

А затем вспыхнуло белое. Кай наконец добрался до твари. Он приземлился перед ней тяжело и неотвратимо, как карающее божество. Его лицо было ледяным и непроницаемым. Огромный двуручный меч описал дугу, и лезвие вошло в шею зараженной с коротким, точным звуком. Тошнотворный хруст позвонков. Тело рухнуло, а голова откатилась к краю тропы.

Тишина ударила по ушам. Слышно было только наше тяжелое дыхание. Иара дрожащими руками опустила клинок.

— Это... это не было похоже на обычное заражение, — прошептала она.

Рэйвен отпустил меня и сделал шаг в сторону, стряхивая черную кровь с клинка. Тьма у его ног раздраженно клуби-

лась.

— Потому что это, блять, и не было заражением, — процедил он.

Все посмотрели на него, но Рэйвен смотрел на меня. Его пронзительные глаза были прикованы к моим рукам. Я судорожно сглотнула и посмотрела вниз.

Сквозь кружево левой перчатки проступало черное, ядовитое свечение. Оно пульсировало в такт тому самому видению. Рэйвен поднял на меня взгляд, и в нем я прочитала обещание, от которого не сбежать.

Проклятье.

Я резко, до боли сжала кулак и дернула руку вниз, пряча предательское свечение в складках плаща. Но было поздно. Я увидела это по тому, как застыла челюсть Рэйвена. Он заметил.

И, что куда хуже, он понял: это дерьмо не имеет ничего общего с магией Ордена.

Тьма у его сапог заскользила по камням, точно голодные змеи. На мгновение она мазнула по моим ногам — ледяное, собственническое касание, от которого по спине пробежала дрожь. «*Я знаю*», — прошептала эта тень.

Под сводами Нижнего предела эхом отдавалось хриплое, загнанное дыхание. Наследники медленно приходили в себя после бойни. Элион рухнул на колени прямо на священную тропу; он согнулся пополам, прижимая грязную ладонь ко рту, и его мучило желчью прямо на серебряные руны.

— Если ты, заблюешь мне сапоги, я лично столкну тебя в разлом, — тяжело дыша, бросила Иара. Она уперлась руками в бедра, пытаясь отдышаться. По ее подбородку стекала капля чужой черной крови, но сил стереть ее не было.

Кассен брезгливо пнул отрубленную голову зараженной, отшвыривая ее во тьму.

— Это не рунная болезнь, — процедил он, вытирая меч о плащ. Руки у него все еще мелко дрожали от адреналина. — Я видел таких в северных гарнизонах. Они не двигаются так. У них кости рассыпаются, а эта тварь была быстрее вейра!

— Потому что она была связана с печатями, — ледяной голос Мирейн разрезал перепалку.

Советница опустилась на корточки рядом с телом. Она не выглядела испуганной — скорее, смертельно уставшей. Ее длинные пальцы без тени отвращения скользнули по почерневшим, изуродованным рунам на коже мертвой женщины.

— Ее удерживали здесь. Очень давно, — сказала она и поднялась.

Воздух в коридоре будто стал тяжелее, оседая на легких каменной пылью.

— Удерживали? — пискнула одна из младших Хелей, затравленно оглядываясь. — Вы хотите сказать, что Орден знал, что эти твари здесь бродят?!

Никто из инквизиторов не ответил. Это глухое, высокомерное молчание сказало нам все.

Где-то впереди, в непроницаемой темноте, снова раздался

низкий рокот. Не голос и не шаги. Что-то массивное, хтоническое, ворочающее свою тяжесть под землей.

Белый вейр Кая резко расправил крылья, перекрывая нам спину, и издал режущий слух клекот. Зверь Морвейна ответил ему хриплым воем, готовый рвать глотки.

— Нам нужно двигаться, — ровно произнес Кай.

Я посмотрела на него и почувствовала, как внутри все сжимается. Пока мы пытались унять дрожь и тошноту, Кай стоял посреди залитой кровью тропы абсолютно неподвижно. На его идеальном, будто высеченном из льда лице не дрогнул ни один мускул. С пугающей грацией он стряхнул кровь с двуручника и убрал его в ножны. Настоящий каратель: для него отрубить голову было не сложнее, чем моргнуть.

Он поднял холодные глаза на советницу.

— Сейчас, Мирейн.

Она коротко кивнула.

— Построение по двое. Ни шагу за тропу. Оружие наготове.

На этот раз никто не возражал.

Колонна двинулась вперед, но Нижний предел перестал быть просто коридором. Он стал живым, пульсирующим организмом. Он дышал вокруг нас, слушал стук сердец и ждал, когда кто-нибудь оступится.

Я шла, стиснув зубы и глядя в спину Элиону. Старалась не смотреть на свою левую руку. Не думать о тех черных кры-

льях из видения. И уж тем более — не вспоминать, как жадно тьма под моей кожей откликнулась на этот хаос.

Впереди тропа резко сузилась между двумя расколотыми колоннами.

— Сука... я ненавижу это место, — прошептал Элион, перехватывая кинжал так крепко, что побелели костяшки.

— Добро пожаловать в клуб, — мрачно отозвался Кассен. Аделина Северин вдруг замерла. Ее выдержка дала трещину, она судорожно втянула воздух.

— Там... кто-то стоит.

Все замерли. Впереди, едва различимая за свечением рун, угадывалась фигура.

Мужчина в грязной мантии рунника. Он стоял к нам спиной — неподвижный, беззвучный, с опущенной головой.

— Оружие! Не сходить с тропы! — мгновенно скомандовала Мирейн, и ее голос сорвался на рык.

Но паника быстрее разума.

Наследник Дома Вессар, которого трясло весь спуск, издал задушенный всхлип.

— Это мой брат! Это Иллиан! — выдохнул он, и его глаза безумно расширились. — Иллиан!

— Вессар, стой, мать твою! — приказал инквизитор, бросаясь к нему.

Но парень уже дернулся вперед. Ведомый надеждой, он сделал один-единственный роковой шаг за границу серебряной линии.

Все произошло мгновенно.

Руны под его сапогом не просто погасли — они вспыхнули багровым. Тьма вокруг фигуры «брата» взорвалась. Иллюзия осыпалась пеплом, а из черноты выстрелило нечто шипастое и живое. Черные плети, похожие на щупальца, с влажным хрустом обвилились вокруг его шеи и торса.

Он даже не успел закричать.

Омерзительный звук ломающихся костей разорвал тишину. Тело Вессара с нечеловеческой силой дернули вверх, в темноту под сводами.

Горячая кровь дождем брызнула на камни, пачкая лица тех, кто стоял рядом. Иара завизжала, закрывая голову руками. Элион отшатнулся, грязно матерясь и спотыкаясь.

Тьма утробно чавкнула, утягивая растерзанное тело куда-то в глубину. Будто парня никогда и не было. На краю тропы остался лишь окровавленный рукав его куртки.

Иллиан Вессар погиб полгода назад. На северной границе. Об этом знал весь Эларион — на поминальной службе Натан стоял в первом ряду и не проронил ни слезы, и Дома шептались, что мальчишка держится недостойно горя.

Он не пытался держаться. Он просто не смог это похоронить. Предел не умеет читать мысли — он видит только ваши пустоты.

Слова Мирейн прозвучали в моей голове ее собственным ровным голосом — и следом, непрошено, всплыло другое: как там, у костяной арки, ее взгляд скользнул по нашим ли-

цам и задержался. На одну секунду дольше. На нем.

Она знала. Еще до спуска она посмотрела на нас — и увидела, у кого пустота шире всех.

И все равно повела его вниз.

Я медленно перевела взгляд на советницу. Мирейн стояла над окровавленным рукавом, и на ее лице не было ни ужаса, ни вины. Только усталость человека, который сверил расчет с результатом.

На Нижний предел обрушилась мертвенная тишина. Слышно было только, как кровь капает на камень.

Кай даже не моргнул. Он лишь медленно, со зловещим скрипом, положил ладонь на эфес, готовый убить все, что выйдет на свет.

Мирейн опустила клинки. Она не смотрела на кровавые ошметки, лишь обвела нас тяжелым взглядом.

— Теперь вы понимаете, почему этот предел был запечатан.

И впервые ни один из наследников не решился возразить. Мы закрыли строй, перешагнули через залитое кровью серебро и молча двинулись дальше — прямо в глотку Бездны.

Глава 4

Из удушающего мрака Нижнего предела нас вывели лишь спустя час.

Сначала инквизиторы с ледяным спокойствием проверяли печати. Затем жрецы принялись педантично осматривать серебряную тропу — будто пятно свежей крови Натана Вессара на древнем камне было куда страшнее того кошмара, что его разорвал. Никто из наследников не проронил ни слова.

Мы стояли во внутреннем дворе Элариона под тяжелым серым небом. Морозный ветер насквозь пропитывал одежду. Элион, который обычно не умолкает ни на секунду, теперь сверлил взглядом брусчатку, до белизны сжав челюсти. Кто-то из младших Северинов отчаянно тер руки, пытаясь согреться. Но никто не мог оторвать глаз от темного провала арки. Казалось, Нижний предел все еще держит нас за горло.

— Младший наследник Дома Вессар признан погибшим во время второго испытания, — сухо бросил жрец, не отрываясь от пергамента.

«*Признан погибшим*». Так легко, словно Натан просто споткнулся на лестнице, а не был утащен во тьму хтоническим чудовищем.

Элион резко выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Да пошли вы нахрен, — процедил он.

Жрец сделал вид, что не услышал. Орден в совершенстве владел искусством быть глухим ко всему, что нарушает их идеальный порядок.

Рядом Иара с остервенением терла рукав куртки снегом, пытаясь оттереть засохшую, почти черную кровь. Ее лицо было бледным, как мрамор.

— Они даже тело семье не отдадут, да? — глухо спросила она.

Ответа не последовало. Мы знали правила: нет тела — нет и уязвимости Ордена.

Кассен тяжело провел ладонью по лицу, стирая копоть и ледяной пот.

— Этот долбаный Нижний предел надо было выжечь до-тла еще шестнадцать лет назад.

— И тем самым признать, что Магистерииум потерял контроль? — Аделина Северин вздернула подбородок, хотя голос ее дрожал. — Скорее весь Эларион рухнет нам на головы.

— После сегодняшней бойни я бы уже ничему не удивился, — процедил Варен, и в его голосе прозвучал холодный, пропитанный пеплом отчаяния металл.

По двору прокатился тяжелый звук крыльев. Вейры нервничали. Белый зверь Кая агрессивно скреб когтями обледенелый камень, а вейр Морвейна глухо рычал, не сводя желтых глаз с темного прохода. Я тоже ждала, что оттуда вот-вот вырвется новая тварь. После Элрейн мир перестал быть безопасным. Я до сих пор чувствовала на запястьях мертвую

хватку зараженной и видела черные крылья каждый раз, когда моргала.

— Лиора.

Я вздрогнула, потянувшись к оружию. Мирейн стояла совсем рядом — бесшумная, словно сотканная из морозного воздуха.

— Великий Магистр желает видеть вас сегодня вечером в своих покоях, — голос советницы прозвучал сухо и бесстрастно, словно удар клинка о гранит.

Разумеется. Отец уже знал. Или же ему преподнесли лишь ту версию правды, которая была удобна для его политических игр.

— Меня будут допрашивать?

— Вас намерены выслушать, — так же ровно ответила она.

Почти смешно. В Эларионе эти понятия давно превратились в две стороны одной медали, а грань между ними стерлась, оставив лишь холодную неизбежность.

Мирейн не сказала больше ничего, но ее взгляд вдруг скользнул ниже — на мою левую руку. Задержка была крошечной, но меня скрутило от паники. Я резко одернула рукав, пряча перчатку. Советница промолчала и просто развернулась.

Я пыталась уйти в жилое крыло, чтобы смыть с себя запах этого утра, но путь преградила тень. *Рэйвен.*

Он стоял у колонны, скрестив руки. В нем не осталось бы-

лой светской насмешки — сейчас он напоминал затаившего хищника. На его черной форме тоже запеклась кровь.

— Если пришел язвить, Морвейн, выбери другой день, — бросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— А если я пришел предупредить? — его голос опустился до опасного, вибрирующего баритона, от которого по коже поползли мурашки.

Я замерла. Вокруг неистово шумели инквизиторы, мир кружился в безумном танце снежных хлопьев, но здесь, в густой тени, воздух внезапно стал тяжелым, наэлектризованным, словно перед ударом молнии.

— Предупредить о чем?

Рэйвен изучал мое лицо с пугающей интенсивностью, словно пытался содрать кожу и заглянуть в самую суть моей души.

— О том, что после сегодняшнего ты превратилась в ходячую катастрофу, Вальтерис.

Холод колючей змеей скользнул по моему позвоночнику.

— Я и раньше не пользовалась благосклонностью двора. Переживу.

— Не смей сравнивать придворные интриги с тем, что разверзлось там, внизу, — он сократил расстояние между нами одним хищным шагом; от него веяло озоном и ледяной сталью.

— Элрейн узнала тебя.

— Она была в безумии, — я судорожно сглотнула, чув-

ствуя, как сердце бьется о ребра, словно пойманная птица.

— И все равно узнала. А после ты вспыхнула черной магией, как проклятый маяк, притягивающий все, что веками пряталось во тьме.

— Тише! — я испуганно оглянулась, боясь, что тени вокруг обретут плоть.

Его губы искривились в жестокой, почти болезненной усмешке.

— Боишься?

Я сжала кулаки до белизны в костяшках, отчаянно пытаюсь подавить дрожь. Рэйвен Морвейн должен был ненавидеть меня: его род был свергнут, а мой отец воздвиг свой трон на обломках их бывшего величия. Но сейчас он смотрел на меня так, словно я была обоюдоострым клинком, приставленным к его горлу — с инстинктивным ужасом и невозможным, магнетическим влечением.

— Может, ты просто хочешь сдать меня Совету? — прошептала я.

Он наклонился, и я ощутила его дыхание на своих губах — обжигающее и невыносимо близкое.

— Если бы я желал тебе смерти, Вальтерис, ты бы уже не стояла здесь и не смела бы мне огрызаться.

Я ненавидела эту угрозу. И еще сильнее ненавидела то, что меня к ней тянуло.

— Тогда зачем ты здесь?

Его взгляд скользнул по шпилям Элариона.

— Потому что Орден лжет.

— Это не новость.

— Новость в масштабах этой лжи. Ты правда думаешь, что Разлом открыли вейры?

Воздух разом покинул мои легкие, оставив лишь пустоту и жгучую боль. Перед глазами, точно клеймо, вновь вспыхнули золотые трещины и призрачный силуэт мужчины, окутанного черными перьями.

— Я не знаю, что это было... — мой голос сорвался на едва различимый шепот.

— Зато я доподлинно знаю, что тебе явилось вовсе не сказка на ночь, — ответил он, и в его тоне скользнула опасная острота.

Я отступила, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Его слова подтачивали фундамент того, во что я верила всю жизнь.

— Откуда тебе знать? — я попыталась придать голосу твердости, но он подвел меня.

В его взгляде на мгновение промелькнуло нечто древнее, полное вековой боли.

— Морвейнов слишком долго клеймили предателями, чтобы мы, наконец, перестали рыться в их грязном прошлом, — бросил он.

— Слова, Морвейн, — я скрестила руки на груди, пытаюсь защититься от его присутствия. — У вас, у Эвертов, у жрецов — у каждого есть своя «прекрасная» версия истины.

Почему я должна верить твоей?

— Не должна, — он даже не моргнул. Это ледяное спокойствие сбило меня с толку сильнее любого гнева. — Верить — это удел храмов и глупцов. Просто проверь.

— Что именно мне проверить?

— Архив Магистрата. Тебе хватит прав, чтобы войти туда, — он говорил с ленивым безразличием, но тени у его ног замерли, словно верные псы, затаившие дыхание перед броском.

— Реестр гарнизонных потерь за год Затмения. Найди записи по заставе Корвейн-Тор за три дня до того, как Разлом якобы открыли мои «чернокрылые предатели».

— И что же я там увижу?

— В том-то и дело, Вальтерис, — уголок его рта дернулся в подобии усмешки, но глаза остались холодными, как арктический лед. — Ничего. Тридцать восемь воинов гарнизона. Ни рапортов, ни тел, ни имен в поминальных списках. Страницы вырезаны. Не просто вырваны в спешке, а аккуратно срезаны лезвием. Орден даже свою ложь готовит с безупречным изяществом.

Я хотела ответить колкостью, но во рту пересохло. Вырезанные страницы — это не просто иная версия событий. Это след преступления.

Во дворе с резким хлопком расправили крылья вейры, заставив меня вздрогнуть. Рэйвен заметил мою слабость и вновь усмехнулся.

— Пытаешься использовать меня, чтобы нанести удар собственному Дому?

— Вот теперь ты начинаешь мыслить в правильном направлении.

Его слова были подобны удару хлыста. Я не понимала, где заканчивается его жажда мести и начинается этот обжигающий, пугающий интерес ко мне.

— Я не предаю свою семью ради красивых басен, — отрезала я.

— Я не прошу предательства, — он сделал шаг ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. — Я прошу тебя перестать быть слепой. Что ты почувствовала, когда Элрейн коснулась тебя?

— Ничего.

— Ложь. Ты выглядела так, будто встретила призрака из забытых времен.

Я судорожно сглотнула.

— Сегодня ночью откроется западная галерея, — произнес он, отступая в тень.

— Она запечатана рунами высшего порядка. Это невозможно.

— Возможно все.

— Тогда как?..

Его улыбка стала хищной, обнажая скрытую угрозу:

— Морвейны воздвигали Эларион еще до того, как твои предки научились обрабатывать камень.

— И зачем мне туда идти?

— Чтобы осознать, почему твой отец так панически боится Нижнего предела.

Он развернулся, чтобы уйти, но я сама не заметила, как схватила его за предплечье.

Тени у его ног мгновенно взвились черным пламенем. Они не ударили, а мягко, почти ласково обвили вокруг моего запястья, отвечая на тьму внутри меня. Это было похоже на разряд рунной молнии.

Рэйвен замер. Его потемневшие глаза впились в мое лицо.

— Это очень плохая идея, Вальтерис, — прошептал он.

Я тут же отдернула руку. Между нами уже проскочила искра, брошенная в пороховой погреб.

— А если это ловушка? — мой голос дрожал. — Если ты хочешь избавиться от меня?

Насмешка исчезла, оставив лишь холодный расчет.

— Если бы я хотел твоей смерти, я бы позволил твари оторвать тебе голову внизу, — жестко ответил он. — Западная галерея. Полночь. Подумай, что тебя пугает больше: я... или правда о твоей семье?

Он развернулся и ушел, растворившись в тени арки. Как только Рэйвен исчез, натянутый между нами воздух разрядился, и морозный ветер снова больно ударил по лицу, выстуживая остатки адреналина. Стоять посреди двора и предаваться сомнениям было роскошью, которой у меня больше не было. Я мельком глянула на левую руку, стиснула зубы и

зашагала к жилому крылу.

Во дворе собора царил привычный после испытательный хаос, смешанный с лихорадочной паникой. Кто-то из младших наследников, сорвав голос, спорил с лекарем из-за глубоко рассеченной брови, северяне с глухим стуком тащили тяжелые ящики с рунными пластинами к западной арке. Вейры, прикованные у стены, раздраженно били массивными хвостами по камню.

Я едва успела сделать пару шагов к лестнице жилого крыла, как рядом возникла Иара Хель.

— Ты выглядишь так, будто хочешь кого-нибудь столкнуть с Астрономической башни, — ровно заметила она, счищая скомканным снегом чужую кровь со своих кожаных перчаток.

— Только если очередь из желающих будет не слишком длинной.

Иара коротко, мрачно хмыкнула. Вот за это я ее и любила: ни липких сочувствующих взглядов, ни идиотских расспросов о самочувствии.

— Вессары уже требуют закрыть Нижний предел, — она кивнула в сторону сбившихся в кучу советников. — Будто эта истерика поможет вернуть им сына.

Я поморщилась. Имя Натана болезненно царапнуло где-то под ребрами.

— Ты знала его? — тихо спросила я.

— Не особо. Он был избалованным идиотом, но не на-

столько, чтобы заслужить такую смерть.

Честно. Безжалостно. Как и всегда.

Мы прошли мимо отряда северян, сгружавших оружие. Один из вейров резко вскинул голову, когда мы приблизились — огромный, белоснежный зверь с темными, выжженными рунами на шее. Его вертикальные зрачки сузились, фиксируясь на мне. Я невольно напряглась, сбавив шаг.

Иара тут же это заметила.

— Не дергайся, — спокойно бросила она, даже не посмотрев на монстра. — Они чувствуют твой страх. Запах адреналина их бесит.

— Отлично. Еще один повод для гребаной паранойи.

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но тяжелые шаги за спиной заставили нас обоих замереть.

— Лиора.

Я не нашла в себе сил даже обернуться. После того, что я увидела в Нижнем пределе, и ядовитых откровений Рэйвена, во мне не осталось ничего, кроме выжженной пустыни вместо души. У меня не было ни желания, ни сил выносить ледяные нотации Кая.

Но он уже был здесь — массивный, непреклонный, словно скала, преградившая путь к спасению. От него веяло морозным дыханием зимы, холодной сталью и свежей кровью. И, клянусь всеми богами, почему этот запах до сих пор заставлял мое сердце срываться в безумный, предательский ритм?

Засранец.

— Магистр ищет тебя, — его голос был ровным, лишенным интонаций.

— Какая неожиданность, — я скрестила руки на груди, выстраивая между нами физический барьер.

Кай скользнул тяжелым взглядом по моему лицу, задержался на плотно сжатых губах, а затем перевел глаза на Иару. Идеальный северный командир. Хель невозмутимо вскинула бровь, ничуть не впечатлившись его пугающими габаритами.

— Если это очередная лекция в духе «не ходи туда, не говори с Морвейнами и вообще дыши пореже», я, пожалуй, пойду, — отрезала Иара.

— Разумное решение, — сухо ответил Кай.

— О, я в курсе.

Она ободряюще хлопнула меня по плечу и совершенно спокойно ушла к инквизиторам, оставив нас вдвоем.

Предательница.

Несколько долгих, удушливых секунд мы просто стояли друг напротив друга под нарастающий шум двора. Кай выглядел уставшим. По-настоящему измотанным. Его светлые волосы потемнели от влажного снега, рукав черной формы был порван когтями зараженной, а на шее багровела свежая, рваная царапина.

Где-то глубоко внутри шевельнулся старый, глупый и до боли знакомый импульс — спросить, не больно ли ему. Коснуться. Стереть кровь.

Но я безжалостно задушила его на корню. Соберись, Ли-

ора. Он бросил тебя.

— Если ты снова пришел читать мне мораль о том, что Морвейнам нельзя доверять, можешь не утруждаться, — бросила я, глядя ему прямо в глаза с вызовом, которого на самом деле не чувствовала.

— Лиора, я серьезно.

— А я, по-твоему, шучу?

Он тяжело, раздраженно выдохнул, и облачко пара сорвалось с его губ.

— Не упрямясь...

— Нет, правда. Давай, — я ядовито усмехнулась, чувствуя, как внутри закипает чистая злость.

— Начинай свой монолог о том, какие Морвейны ужасные манипуляторы и как они спят и видят разрушить Орден.

— Иногда они используют людей, — резко перебил он, делая полшага ко мне.

— Прямо как Орден.

Эта фраза ударила его наотмашь. Кай осекся. На мгновение его выдержка дала трещину. Он с силой провел рукой по лицу, стирая снег, и устало посмотрел куда-то поверх моего плеча, словно жалел, что вообще ко мне подошел.

— Рэйвен Морвейн не делает ничего просто так, — заговорил он снова, и его голос упал до глухого, вибрирующего рокота. — Особенно сейчас.

— Потому что он ненавидит Вальтерисов?

— Потому что его Дом потерял трон после Затмения. И

такие вещи не забываются, Лиора. Ни через год, ни через шестнадцать лет.

Я до боли стиснула пальцы.

— И что? Ты думаешь, он решил подставить меня ради старой мести?

— Я думаю, что Морвейны в совершенстве умеют превращать сломанных людей в полезные политические проблемы.

Сломанных. Прекрасно. Самое паршивое заключалось в том, что эта ядовитая мысль уже крутилась в моей собственной голове. Рэйвен появился слишком вовремя. Слишком много рассказывал. Слишком пристально и спокойно смотрел на все то безумие, что начало со мной происходить.

А я... я позволяла ему это. Потому что рядом с Рэйвеном — опасным, невыносимым, окутанным тьмой — я впервые за долгое время не чувствовала себя ущербной. Он видел мою тьму и не отворачивался. И это бесило меня до дрожи.

— Ты слишком много о нем думаешь, — пробормотала я, отводя взгляд. Я отчаянно пыталась не встречаться с его глазами, чья пронзительная светлота резала сильнее, чем ледяной ветер на перевале.

— Кто-то же из нас должен это делать, — отозвался Кай. В его голосе не было сочувствия, только тяжелая, давящая усталость.

Внутри меня что-то оборвалось. Гнев, который я так старательно выстраивала в защитный панцирь, вспыхнул мгновенно, обжигая легкие. Я резко вскинула голову, чувствуя,

как на поверхность выходит старая, незажившая рана.

— Серьезно? — мой голос дрожал, но я не позволила ему сорваться. — После двух лет на Севере ты просто решаешь вернуться и снова вломиться в мою жизнь, как будто ничего не случилось?

Я видела, как его челюсти сжались, а на скулах заходили желваки. Он выглядел так, словно готов был либо ударить, либо исчезнуть.

— Это нечестно, Лиора, — процедил он сквозь зубы, и в этом шепоте было больше боли, чем в крике.

— Нечестно?! — я сделала шаг вперед, чувствуя, как ярость вытесняет страх. — А исчезнуть на два гребаных года — это, по-твоему, было честно?!

Я ненавидела себя за эту слабость, за то, что он все еще мог заставить мое сердце биться в рваном, болезненном ритме, но останавливаться было уже поздно. Кай промолчал. Во дворе кто-то из надсмотрщиков гаркнул на северян, заставляя их тащить еще один ящик. Один из вейров раздраженно, с громким щелчком сомкнул клюв, и несколько наследников в ужасе отпрянули.

Я покачала головой, отчаянно моргая, чтобы не дать глазам заблестеть.

— Ты уехал, Кай. Просто собрался и уехал. Ни писем, ни слов, ничего. А теперь ты стоишь здесь, в форме командира, и поучаешь меня, кому я должна доверять, а кому нет.

Он молчал. Долго, мучительно долго. И это убивало меня

еще сильнее, потому что раньше мы никогда так не разговаривали. До Севера все было иначе. Проще.

Он был просто Каем. Моим Каем. Тем, кто таскал меня на крыши собора, когда я до слез ненавидела фальшивые семейные ужины Магистра. Тем, кто в четырнадцать лет разбил лицо наследнику Эвертов просто за то, что тот косо на меня посмотрел.

А потом Север будто выжег из него все человеческое, оставив лишь этот послушный Ордену, смертоносный механизм.

— Я не писал тебе не потому, что забыл, — наконец хрипло произнес он. Тихо. Без пафоса. Просто с такой сокрушительной усталостью, что она ломала кости.

Удар под дых. Прямо в солнечное сплетение. Черт бы его побрал с этой его внезапной, обезоруживающей честностью.

Это оказалось в тысячу раз хуже любых оправданий.

Я сглотнула жесткий ком в горле и отвела взгляд первой.

— Уже неважно.

— Для меня — важно.

Внутри что-то болезненно, сладко дернулось, готовое сдаться, но я тут же залила это чувство ледяной злостью на саму себя. Не смей, Лиора.

Кай сделал шаг ближе. Не угрожающе-собственнически, как в Нижнем пределе, а просто... ближе. Будто отчаянно хотел сократить ту пропасть, которую сам же и вырыл. Тепло от его тела ощущалось даже сквозь морозный воздух.

— Послушай меня хотя бы сейчас, — его тон стал почти умоляющим, и это совершенно не вязалось с его внешностью жестокого воина.

— Морвейны опасны не из-за их любви к тьме. Они опасны, потому что рядом с ними ты начинаешь забывать, чего именно боялась изначально.

Слова ударили точно в цель. Я невольно вспомнила Рэйвену. Его бархатный голос. Тяжелый взгляд. Его тени, ласково скользнувшие по моему запястью. То, как рядом с ним пульсирующая во мне тьма действительно успокаивалась, признавая своего.

Проклятье. Мое лицо всегда выдавало меня с головой.

Кай увидел, как расширились мои зрачки, как дрогнули губы при мимолетном воспоминании о Морвейне.

Его лицо мгновенно заледенело. Глаза потемнели от ревности, которую он даже не пытался скрыть. Он тихо, грязно выругался сквозь зубы.

— Вот именно этого я и боюсь, Лиора, — процедил он с горечью. — Он уже залез тебе в голову.

Когда я добралась до восточного крыла Элариона, снег повалил с новой силой. Мелкий, злой и колючий — его с остервенением швыряло в узкие окна коридоров, и старые свинцовые рамы витражей мелко дребезжали от порывов ветра. В соборе стремительно темнело.

Я шла к своим комнатам, чтобы привести себя в порядок перед допросом отца, и внутри все скручивалось от дурного предчувствия. После Нижнего предела меня тошнило. Но не от вида выпотрошенного тела Натана Вессара. И даже не от запаха крови.

Меня тошнило от собственных мыслей. От того, как пугающе осмысленно зараженная посмотрела на меня. От черных матовых крыльев в том древнем видении. От тяжелого взгляда Рэйвена и горьких слов Кая.

И хуже всего было то, что все эти разрозненные куски внешне начали складываться в одну цельную, омерзительную картину.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь в свои покои, отчаянно надеясь на тишину, но замерла прямо на пороге. Внутри уже кто-то был.

— Во имя Света, ты выглядишь как человек, которого только что пытались сожрать заживо и выплюнули, — ровно заметила Иара.

Она сидела прямо на широком каменном подоконнике, подтянув одно колено к груди, и грела руки о кружку с дымящимся травяным отваром.

— Очень смешно, Хель, — я устало привалилась к дверному косяку, стягивая перепачканную чужой кровью перчатку.

— Я старалась.

Она грациозно спрыгнула вниз. Только сейчас я замети-

ла, что на моем письменном столе была раскатана огромная карта Нижнего предела. Поля пергамента уже пестрели свежими пометками углем.

Конечно. Даже после того, как мы едва не подошли в подземелье, Хель продолжала методично разбирать маршруты и рунные ловушки вместо того, чтобы запереться в купальне и впасть в истерику.

— Тебя уже ищет добрая половина Совета, — сказала Иара, отпивая из кружки и наблюдая, как я бросаю грязную куртку на спинку стула. — А Эверты тем временем пустили слух, что Вессара убила не хтоническая тварь, а просто сорвавшаяся старая печать. Несчастный случай из-за ошибки.

Я резко вскинула голову.

— Что?

— Ага. Быстро работают ублюдки, правда?

Злость вспыхнула мгновенно, выжигая усталость. Эверты начали свою любимую политическую возню быстрее, чем остыло истерзанное тело Натана.

— Это Сайрус? — процедила я.

— Кто же еще, — Иара поморщилась, словно отхлебнула яда. — Этот идеальный кусок дерьма последние два часа шепчется с лояльными советниками так активно, будто уже примеряет корону Великого Магистра. Они хотят замять прорыв магии.

Я с тяжелым вздохом опустилась в глубокое кресло у растопленного камина и закрыла лицо ладонями. Все тело ло-

мило. Под кожей на запястье все еще неприятно, горячо пульсировала чертова метка, а перед закрытыми глазами то и дело всплывали те самые падающие в огонь черные перья.

— Ты вела себя странно после того случая с зараженной, — вдруг бросила Иара. Тон ее голоса неуловимо изменился. Стал слишком ровным.

Вот дерьмо. Я медленно отняла руки от лица и подняла на нее взгляд, стараясь сохранить максимально равнодушное выражение. Иара не выглядела подозрительной. Она выглядела... анализирующей. А это было куда опаснее.

— Все вели себя странно, — попыталась отмахнуться я, глядя на огонь. — Мы чуть не сдохли.

— Нет, Лиора. Я не об этом.

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. За окном завывал ветер, где-то внизу, на тренировочных площадках, раздраженно крикнул вейр. Я заставила себя расслабить плечи и небрежно пожать ими:

— Мне просто прилетело по голове сильнее остальных. Тварь успела меня схватить, помнишь?

Иара долго, не мигая смотрела на меня своими светлыми глазами, а потом неожиданно, коротко фыркнула:

— Ужасно врешь, Вальтерис.

— Спасибо.

— Обращайся.

Она подошла ближе и безапелляционно всучила мне свою кружку с отваром. Запахло перечной мятой и чем-то горь-

ким. Голос Хель стал тише и серьезнее:

— Я не собираюсь вытягивать из тебя признания клещами. Твои секреты — это твои секреты. Но если ты снова полезешь к зараженным тварям без плана, я клянусь Светом, я лично тебя придушу, чтобы не мучилась.

Я невольно, искренне усмехнулась, обхватывая горячую керамику замерзшими пальцами.

— Какая трогательная забота.

— Это не забота. Мне просто категорически не хочется снова тащить Элиона в истерике через половину собора.

Как по заказу, прямо за тяжелой дубовой дверью раздался возмущенный, до боли знакомый голос:

— Я все слышал, между прочим!

Иара закатила глаза. Дверь распахнулась настежь, и в мою комнату ввалился Элион Рикель. Растрепанный, злой, бледный как полотно и тяжело дышащий.

— Почему у тебя всегда такой вид, будто ты только что подрался с призраком в чулане? — с усталым снисхождением спросила Иара.

— Потому что сегодня утром я буквально видел, как живого человека сожрала гребаная тьма! — рявкнул он, взмахнув руками. — Уж простите великодушно, что не успел восстановить свое хрупкое душевное равновесие и не напудрил носик!

Я не выдержала. Искренний, хриплый смешок вырвался из моего горла — впервые за весь этот бесконечный день.

Элион тут же обвинительно ткнул в меня пальцем:

— Вот! Вот ради этого я и пришел. Она хотя бы снова выглядит живой, а не как мраморное надгробие.

— Ну, спасибо, — пробормотала я, пряча улыбку за кружкой.

Он со стоном плюхнулся в соседнее кресло и тут же поморщился, рефлекторно хватаясь за левый бок. Похоже, в Нижнем пределе, когда он всаживал кинжал в тварь, его зацепило куда сильнее, чем он пытался всем показать.

На несколько коротких, драгоценных минут в моей комнате стало почти спокойно. Почти нормально. Трещалогонь в камине, Иара шуршала пергаментом, делая новые пометки на карте, Элион тихо ворчал себе под нос про «эбанутые испытания» и «отбитых инквизиторов».

А я смотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что мне до одури не хочется идти к отцу.

Раньше, после любого кошмара или политической бури, я всегда знала правила игры. Магистериум защищал нас. Орден был щитом Солвейна.

Но теперь — нет.

Впервые после Нижнего предела, после слов Рэйвена и видения из прошлого, в моей голове пустила корни страшная, ядовитая мысль: Орден не просто скрывал от нас правду.

Он был на ней построен.

У дверей кабинета Великого Магистра всегда было холоднее, чем в остальном Эларионе.

И дело было далеко не в сквозняках или беспощадной зиме за витражами. Восточное крыло собора будто само по себе высасывало из людей все тепло, питаясь их нервами. Здесь говорили тише, смеялись реже, а слуги передвигались почти бесшумно — словно до одури боялись потревожить тяжелые каменные стены, пропитанные древней властью.

Я медленно шла по коридору, машинально разглаживая рукава свежей формы. Мои пальцы все еще мелко подрагивали после Нижнего предела, и это раздражало до зубовного скрежета.

Соберись, Лиора. Просто соберись.

За стрельчатыми окнами яростно бушевала метель. Снег бился о цветное стекло так ожесточенно, будто пытался прорваться внутрь, и красные отблески дежурных рун скользили по мраморному полу, превращая коридор в длинную, непрерывную кровавую полосу, ведущую прямо к дверям отца.

Очень тонко. Прямо-таки жизнеутверждающе.

Чем ближе я подходила к массивным дверям кабинета, тем сильнее внутри нарастало старое, удушливое напряжение. Вбитое в кости, вьвшееся в подкорку с самого раннего детства.

Великий Магистр Вальтерис никогда не повышал голос. Он не угрожал, не раскидывался проклятиями и уж тем более не устраивал показательных истерик. И от этого всегда

становилось только хуже.

Когда мне было десять, я случайно уронила и разбила древнюю рунную сферу в закрытом архиве. Я два дня пряталась и до тошноты боялась возвращаться в восточное крыло. Не потому, что отец мог меня выпороть или лишить магии. А потому, что он смотрел на меня с ледяным, абсолютным разочарованием. Этот взгляд до сих пор пугал меня сильнее, чем перспектива оказаться в пасти вейра.

Я остановилась перед двустворчатой дверью из черного дерева и несколько секунд просто дышала.

После Нижнего предела все изменилось слишком быстро. Фундамент поплыл. Еще вчера Орден казался мне нерушимым. Жестоким — да. Холодным — да. Беспощадным к слабым. Но надежным.

Теперь же перед глазами, как заевшая пластинка, снова и снова вспыхивали черные матовые крылья из видения. Золотые, пульсирующие трещины в мертвом небе. И зараженная рунница, смотревшая на меня так, будто узнала во мне родную кровь.

А поверх всего этого накладывались ядовитые слова Рэйвена. «Ты правда думаешь, что Разлом открыли чернокрылые?»

Шестнадцать долгих лет. Шестнадцать лет Орден методично доказывал всему Солвейну, что Дом Морвейн привел этот мир к Разлому и Затмению. Шестнадцать лет мой отец строил свою непогрешимую империю на их костях. И до се-

годняшнего утра я ни разу в этом не сомневалась.

Дерьмо.

Я резко выдохнула, собирая волю в кулак, и уже занесла руку для стука, как дверь неожиданно открылась сама.

Из кабинета почти бесшумно выскользнул один из старших советников Эвертов — сухой, седой мужчина с губами, похожими на бритвенный порез. Увидев меня, он тут же натянул на лицо вежливую, приторную улыбку.

Слишком вежливую для человека, чей Дом прямо сейчас активно распускал слухи о смерти Вессара.

— Леди Вальтерис, — он елеяно склонил голову, отступая в сторону. — Великий Магистр ожидает вас.

Еще бы он не ожидал. Я коротко, без тени улыбки кивнула и шагнула внутрь.

Кабинет отца выглядел точно так же, как в моих самых ранних воспоминаниях: подавляюще высокие потолки, бесконечные ряды тяжелых книжных шкафов, подробные тактические карты Солвейна на стенах и исполинский камин, в котором почти беззвучно лизало камни пламя. Только сегодня здесь будто стало вдвое темнее. Воздух казался спертым.

Отец стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на бушующую метель. Его идеально прямые белые волосы серебрились в полумраке, а тяжелая темная мантия почти сливалась с тенями углов. Он даже не обернулся на звук моих шагов.

— Закрой дверь, Лиора.

Спокойно. Ровно. Без единой эмоции.

Я молча подчинилась. Металлический щелчок замка прозвучал в тишине кабинета слишком громко — как звук взводимого арбалета.

Только после этого отец медленно обернулся, и я невольно, рефлекторно напрягла спину.

В его глазах застыла усталость, но это не была обычная сонливость. Он напоминал Атланта, чьи ладони, израненные и окровавленные, сжимали рушащийся небосвод, пока он отчаянно пытался сохранить величие, скрывая за маской невозмутимости нечеловеческую тяжесть. Но во мне не шелохнулось ни капли жалости. Мой лимит сострадания выгорел дотла еще там, на залитой кровью серебряной тропе.

Его пронзительные, по-зимнему светлые глаза сфокусировались на мне.

— Ты ранена? — спросил он.

Никаких «как ты?». Никаких «Слава Свету, ты не погибла, дочь». Просто сухая перепись ущерба. Очень по-магистерски.

— Нет, — солгала я, не моргнув и глазом.

Отец медленно опустил взгляд. Его глаза скользнули по моей форме и безошибочно остановились на левом запястье, скрытом новой, плотной кожаной перчаткой. Под которой кожа все еще горела от фантомного прикосновения тьмы.

— Мирейн доложила мне о том, что произошло в Нижнем пределе, — произнес он, делая шаг к своему массивно-

му столу.

Внутри все похолодело. Конечно, доложила. Каждую деталь. Каждую каплю крови.

— Тогда ты знаешь, что та зараженная тварь не просто бродила там, — осторожно, тщательно взвешивая каждое слово, произнесла я. — Она была привязана к печатям.

Отец остановился. Он оперся костяшками пальцев о гладкую поверхность стола и замолчал.

И это молчание внезапно стало куда страшнее любых криков. Оно было плотным, удушающим.

— Ты знал, что внизу остались запертые, живые рунники? — мой голос упал до звенящего шепота.

Великий Магистр Вальтерис поднял на меня глаза. В них не было ни шока, ни удивления, ни праведного гнева. Лишь холодный, бездонный расчет политика, обдумывающего, сколько правды можно скормить собственной дочери, чтобы она не подавилась.

Отец выдержал паузу — несколько долгих, мучительных секунд тишины, в течение которых слышался лишь треск дров в камине, — прежде чем медленно выпрямиться.

— Они не были живыми, Лиора.

Да пошел ты. Эта наглая, отполированная ложь ударила в голову набатом. Я поняла это мгновенно. Не потому, что он отвел взгляд или запнулся — Великий Магистр Вальтерис физически не допускал таких нелепых ошибок. Просто я слишком хорошо его знала. Он произнес это слишком глад-

ко. Слишком идеально. Словно давно заученную формулировку для очередного заседания Совета.

— Эта женщина разговаривала, — тихо, стараясь удержать голос от дрожи, сказала я. — Она помнила свое имя.

— Остаточная магическая реакция мертвой нервной системы.

— Она просила нас бежать!

— Ты провела слишком много времени в замкнутом пространстве рядом с зараженной тварью, — отрезал отец, и в его голосе звякнул металл. — Не позволяй эмоциям искажать факты.

Внутри что-то надломилось. Не страх. Нет. Глухая, выжигающая внутренности усталость от того, с какой леденящей легкостью он отсекает все, что не вписывается в официальную, вылизанную версию Ордена. Я смотрела на человека, который меня вырастил, и кристально ясно понимала: он скажет абсолютно что угодно, лишь бы сохранить контроль. Даже надо мной.

— Значит, Нижний предел не был пустым все эти шестнадцать лет, — произнесла я, тяжело роняя каждое слово в повисшую тишину. — И Орден все это время знал об этом.

Отец спокойно отвернулся, подошел к столу и взял тяжелую кожаную папку с документами. Его движения были ровными, скупыми, но в этой размеренности чувствовалась пугающая, нечеловеческая жесткость.

— После Затмения часть рунников оказалась заперта под

Эларионом во время экстренного обрушения печатей. Некоторые из них подверглись заражению тьмой.

Некоторые. Какой очаровательный подсчет. Это бездушное слово ударило меня под дых. Как будто речь шла не о живых людях, замурованных заживо, а о списанном, бракованном оружии в арсеналах собора.

— Почему об этом никто в Солвейне не знает? — мой голос сел.

Отец открыл папку, даже не взглянув на меня.

— Потому что Солвейн держится не только на правде, Лира.

Он сказал это прямо. Без тени стыда. Без секундного колебания. И именно эта чудовищная, прагматичная прямота напугала меня сильнее любых монстров из подземелий.

За высокими витражами с новой силой ударил ветер, и пламя в огромном камине тревожно дрогнуло, отбрасывая на лицо отца резкие тени. Он медленно поднял на меня свой светлый, пронзительный взгляд:

— Паника разрушает государства гораздо быстрее, чем любые Разломы.

— А ложь? — выплонула я прежде, чем успела прикусить язык.

В кабинете повисла звенящая, удушливая тишина. Кажется, я впервые в своей жизни решила сказать ему такое прямо в лицо. Лицо Великого Магистра осталось неподвижным, но воздух между нами мгновенно натянулся до предела.

— Осторожнее, Лиора, — произнес он.

Тихо. Без явной угрозы. Но по моей спине все равно пробежал колючий мороз.

Я до боли стиснула зубы.

— Сегодня погиб наследник Дома Вессар, отец! Погиб, потому что никто из нас не знал, какие именно твари скрываются в Нижнем пределе!

— Сегодня погиб наследник, который нарушил прямой приказ инквизитора и сошел со священной рунной тропы, — парировал он мгновенно, безжалостно.

Ах ты ж хладнокровный ублюдок. Переложил вину на растерзанного мальчишку, даже не моргнув. Он произнес это так, словно заранее репетировал эту формулировку для утреннего заседания Совета.

Моя выдержка дала окончательную трещину.

— Ему показали брата! — я сделала шаг к столу, и мой голос сорвался на отчаянный крик. — Эта тварь выпотрошила его гребаной иллюзией!

— Нижний предел питается страхом, горем и памятью. Это базовые законы искаженной магии, известные еще до твоего рождения.

— Тогда какого хрена было вообще отправлять нас туда?! — взорвалась я, ударив ладонью по бедру.

Отец медленно, тяжело выдохнул. Он закрыл папку и бросил ее на стол. И впервые за весь этот бесконечный разговор в его ледяных глазах мелькнуло что-то человеческое. Не

тепло. И даже не сожаление. Глубокое, сокрушительное изнеможение.

— Потому что Разломы снова просыпаются, — тихо произнес он.

Воздух с силой выбило из моих легких, а колени на секунду стали ватными.

— Что?

— А половина наследников Великого Совета, — с горечью продолжил он, — не способна пережить даже один чертов спуск под Эларион.

Отец обошел стол и направился к огромной тактической карте Солвейна, занимавшей всю стену между книжными шкапами. Я на негнувшихся ногах подошла следом.

Черные метки нестабильных рун пульсировали зловещим светом вдоль всех северных границ и восточных ущелий. Их стало больше. Гораздо больше, чем я видела на занятиях по стратегии еще месяц назад. Они расплзались по пергаменту, как гниющая, неизлечимая болезнь.

Твою мать.

— Печати слабеют, Лиора, — сказал отец, глядя на карту так, словно видел перед собой эшафот. — Уже несколько месяцев. Мы теряем контроль над узлами быстрее, чем инквизиторы успевают их укреплять.

Я скользила взглядом по северной границе. Не отдавая себе отчета — пока не поняла, что именно ищу.

Корвейн-Тор.

Хребет, перевалы, цепочка застав с аккуратными рунными клеймами — Веллмарк, Стужный Зуб, Айгрэн... Я знала эту карту наизусть с двенадцати лет. И между Веллмарком и Айгрэном, там, где по всем законам военной логистики обязан стоять опорный узел, не было ничего. Ни клейма. Ни выжженного следа от старой метки. Чистый пергамент.

Заставы не стирают с карт, словно случайную кляксу. Их перечёркивают багровой руной утраты и оставляют гнить в назидание живым и мертвым. Ибо полное забвение — это не труд картографа, а милосердие, которого мир не заслужил.

— Перед Затмением, — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала, — печати тоже слабели вот так? Месяцами?

Рука отца, лежавшая на краю карты, замерла. На полсекунды. Я бы не заметила, если бы не следила — но я следила, и эти полсекунды сказали мне больше, чем весь сегодняшний допрос.

— Кто говорил с тобой о времени перед Затмением? — он не повернул головы.

Не «нет». Не «да». Вопрос об источнике. Так отвечают люди, у которых правда разложена по уровням доступа.

— Учебники, — соврала я. — По стратегии.

— Учебники, — повторил он без всякой интонации. И я физически почувствовала, как между нами, поверх карты с расползающейся чернотой, легла еще одна печать. Закрытая тема. Навсегда.

По моей спине, проникая в самые кости, пополз могиль-

ный холод. Разрозненные куски безумной мозаики наконец-то сошлись воедино, образовав картину, от которой захотелось истерично расхохотаться. Или закричать.

Второе испытание. Неожиданное возвращение северных гарнизонов и Кая. Появление Морвейнов в столице. Спуск в запечатанный Нижний предел...

Просто полный пиздец.

Это не было проверкой на прочность. Это была подготовка к гребаной войне.

Открытая часть архива Магистрата пахла пылью, воском и ленью.

Я пришла за час до закрытия, в простом сером плаще, и дежурный архивариус при виде моего лица подскочил так, что уронил перо. Наследница в архиве — событие. Наследница, требующая реестр гарнизонных потерь шестнадцатилетней давности, — событие, о котором доложат. Плевать. После сегодняшнего вечера отец все равно знал, что я копаю.

— Год Затмения, северное направление, — повторила я. — Полная опись всех событий.

Том в истертой, пахнущей старой кровью коже лег в ладонь с тяжестью, которую не спутаешь с чем-то иным. На корешке тускло мерцала рунная печать — несомненное свидетельство того, что перед моими глазами не подделка, а истина. Я перелистывала страницы, и каждый шорох пергамен-

та отзывался в груди, пока я тщетно пыталась унять дрожь в пальцах. Веллмарк — бесконечные списки мертвецов, сухие рапорты и имена, выведенные каллиграфическим, почти бездушным почерком. Стужный Зуб принес те же вести. Айгрэн — и снова лишь холодные колонки имен, за которыми скрывались тысячи оборванных жизней. Между ними страницы шли так: сорок шестая. Сорок седьмая.

Пятьдесят вторая.

Я провела подушечкой пальца по внутреннему краю переплета. У самого корешка, глубоко, остались узкие полоски бумаги — ровные, одинаковой ширины, срезанные одним уверенным движением. Не вырваны в спешке. Не выпали от времени.

Вырезаны. По измерительному прибору. Лезвием.

«Орден даже свою ложь делает аккуратно».

Я сидела над раскрытым томом, и холод поднимался от каменного пола по ногам, вверх, к самому горлу. Тридцать восемь человек. Целая застава, которой теперь не было ни на карте отца, ни в описи, ни — я была готова поспорить на собственную кровь — в поминальных списках храмов.

Рэйвен Морвейн не солгал мне.

И почему-то именно это пугало сильнее всего. Лжецу можно не верить. А что делать с человеком, который приносит тебе правду — и собирается вскрыть ею твой Дом, как консервным ножом?

Я закрыла том, вернула его архивариусу под его старатель-

но равнодушным взглядом и вышла в коридор, уже зная, что в полночь буду стоять в западной галерее.

Не потому, что доверяла Морвейну.

Потому что больше не могла доверять никому другому.

Глава 5

На третьей попытке застегнуть жесткий кожаный ремень перевязи я поняла, что пальцы нервно подрагивают. Металлическая пряжка выскользнула из рук и с резким, неприятным лязгом ударилась о кожаные ножны.

— Проклятье, — выдохнула я, сжимая челюсти так, что заныли скулы.

Кожа под плотной перчаткой из грубой замши горела. Это была не физическая боль, скорее тяжелое, вязкое предчувствие, которое лишало возможности дышать. Метка на моей коже лениво пульсировала в такт бешеному сердцебиению, перекатываясь под тканью, будто издевательски напоминая о том, куда именно я направляюсь.

Встреча с Рэйвеном Морвейном. Ночь. Запечатанная галерея.

Всё это казалось безумием, плодом кошмара, пережитого в Нижнем пределе, и изнурительного допроса в кабинете отца. Идея была отвратительной, почти самоубийственной, но выбора не оставалось: только я и эти вырванные из архива страницы, ставшие моим единственным оружием. Накинув на плечи тяжелый шерстяной плащ, наглухо застегнув фибулу у горла, я скользнула в коридор, прежде чем остатки здравого смысла окончательно заперли меня в четырех стенах.

Сквозняк безжалостно трепал выцветшие гобелены в за-

падном крыле, а древние руны под высокими сводами мерцали тусклым, умирающим светом. Ночью Эларион превращался в нечто иное — в холодный каменный лабиринт, который затаил дыхание, ожидая моей единственной ошибки.

Я свернула в узкую галерею. Тьма здесь была почти осязаемой. Она оседала на плечи тяжелой, свинцовой пылью. Когда мрак у дальней колонны вдруг исказился, я инстинктивно легла ладонью на рукоять кинжала, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел.

Нет. Тень не просто шевельнулась.

Она оторвалась от камня, бесшумно скользнула по плитам и мягко — пугающе, почти интимно обвилась вокруг моей лодыжки.

— Расслабься, Вальтерис.

Низкий, вибрирующий голос из темноты ударил по нервам. Волоски на затылке встали дыбом, а в легких внезапно закончился воздух.

— Если бы я хотел твоей смерти... — фигура отделилась от стены, шагнув в тусклую, рассеченную витражом полосу лунного света. — Ты бы уже истекла кровью от кинжала.

Тень не просто скрывала его шаги — она пожирала их. Черная форма Рэйвена, сшитая из матовой, не отражающей свет кожи, сливалась с полумраком. Лишь тусклый серебряный отблеск защитных нитей на высоком воротнике очерчивал жесткую линию челюсти. От него веяло ночной прохладой, оружейной сталью и тем самым древним ужасом, кото-

рый заставляет кровь стынуть, а инстинкты — кричать о бегстве.

Я не убрала руку с эфеса. Тень на моей ноге пульсировала в унисон с меткой под перчаткой.

— Значит, мне стоит низко поклониться и сказать «спасибо» за проявленное милосердие? — ровно спросила я. Мой голос прозвучал гораздо увереннее, чем я себя чувствовала.

Он чуть склонил голову набок, темные глаза хищно блеснули в полумраке.

— Не стоит. Мы оба прекрасно знаем, что милосердие тут ни при чем.

И вот что бесило больше всего.

Рядом с ним ледяные тиски, сжимавшие мои ребра с самого утра, ослабевали. Запах озона вытеснял из легких панику, оставляя после себя совершенно иное, куда более разрушительное напряжение. И не потому, что я ему доверяла. Свет, конечно, нет.

Просто какая-то изломанная часть меня кристально ясно понимала: если Рэйвен Морвейн однажды решит перерезать мне глотку, он не станет прикрываться накрахмаленными рясами, лживыми проповедями о Свете и всеобщем благе.

Он будет смотреть мне прямо в глаза.

Рэйвен стоял в паре шагов, лениво прислонившись плечом к колонне. Его поза казалась обманчиво расслабленной, но мрак у его начищенных до блеска сапог дышал сам по

себе. Тени медленно скользили по ледяным плитам, жадно затекали в трещины древнего камня. И одна из них всё ещё намертво оплетала мою лодыжку.

Я с силой дёрнула ногой. Кусок мрака лишь плотнее сжался на толстой коже сапога, пульсируя в такт ударам моего сердца.

— Убери её, Морвейн, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Рэйвен даже не шелохнулся.

— Она сама выбирает, к кому тянуться.

— Значит, твоя магия абсолютно неразборчива в связях.

Глухой, вибрирующий звук ударился о каменные своды. Никакой светской фальши и яда, которыми он, как щитом, прикрывался на публике. Он рассмеялся — тихо, почти хрипло. И от этого короткого звука у меня внутри всё скрутилось в тугую, горячий узел.

Глаза Рэйвена скользнули по моему лицу, оценивая каждую деталь.

— Ты долго, Лиора. Сорок минут в этом склепе. — Он плавно оттолкнулся от колонны. — Еще пять, и я бы решил, что твой северянин все-таки запер тебя в покоях ради твоего же блага.

Дерьмо.

Я стиснула челюсти на долю секунды позже, чем следовало. Едва уловимый спазм мышц — но он, мать его, заметил. Тьма у его ног раздраженно вскипела, ломаясь острыми

углами. Его взгляд потемнел настолько, что радужка слилась со зрачком.

— Значит, Кай всё-таки приходил к тебе после Совета.

Это был не вопрос. Удар хлыста.

Я вскинула подбородок, наотрез отказываясь отступить. Даже когда воздух вокруг нас сжался до плотности свинца.

— Мои передвижения, Морвейн, — не твоё дело.

Вместо ответа он сделал шаг вперед. Текучее, почти кошачье движение.

Я не сдвинулась ни на миллиметр.

Еще один шаг. Запах терпкой морозной мяты и мускуса ударил по нервам ещё раньше, чем я осознала, что он вторгся в мое личное пространство.

Слишком близко. Так близко, что тепло его тела пробивалось сквозь промерзшую, тяжелую шерсть моего плаща, а я могла сосчитать каждое звено серебряной цепи, выглядывающей из-под его воротника.

— Мне не нужны шпионы, Лиора, — его голос упал до опасного, вибрирующего шепота. Горячий выдох коснулся моей скулы. — Чтобы знать, как он на тебя смотрит.

Я сглотнула, чувствуя, как пульс тяжелыми, болезненными толчками бьется прямо в горле.

— Он мой страж. Это его работа — защищать меня от... — я выразительно скользнула взглядом по матовой коже его куртки, — от неприятностей.

Рэйвен медленно, почти интимно оперся ладонью о сте-

ну прямо над моим плечом, наглухо отрезая путь к отступлению. Тень поползла по его предплечью, словно живая табуировка.

— Тогда твоему стражу стоит лучше выполнять свою работу, — прошептал он. Его взгляд медленно, мучительно медленно опустился к моим губам. — Потому что прямо сейчас, Лиора... ты в самом центре неприятностей.

— И о чем же... — я запнулась, прочищая горло. — О чем так беспокоится твой верный страж?

Горячий выдох скользнул по моей скуле. Я не отодвинулась.

— О том, что у Морвейнов слишком долгая память.

Тени за его спиной дрогнули, поползли вверх по каменной кладке, стирая узоры древних фресок. Лицо Рэйвена превратилось в непроницаемую маску.

— И в чем... — он сделал едва заметную паузу, — он неправ?

Проклятье.

Вот это выводило меня из себя сильнее всего. Он никогда не пытался выгородить себя. Не разводил руками со словами «это всё грязная политика». Он просто брал худшие слухи о своей семье и швырял их тебе прямо в лицо.

Пuls глухо отдавался в висках. Я проигнорировала его выпад, переходя к тому, ради чего вообще пришла.

— Сорок седьмая страница Реестра. Год Затмения.

Рэйвен замер. Тьма вокруг нас перестала клубиться, слов-

но тоже прислушиваясь.

— А потом сразу пятьдесят вторая, — я сглотнула, чтобы голос не дрожал. — Срезы у самого корешка. Идеально ровные.

Он закрыл глаза и откинул голову, прислоняясь затылком к холодному камню колонны. Из его плеч мгновенно ушла хищная грация, оставив только тяжелую, отчаянную усталость.

— За последние пять лет я подкидывал эту идею шестерым. — Он криво усмехнулся.

Тень у моих ног медленно, беззвучно разжала хватку и отползла к его сапогам, больше не пытаясь меня удерживать.

Я ждала продолжения, но он молчал.

— И? — не выдержала я.

— Люди предпочитают спать спокойно, Лиора. — Рэйвен открыл глаза и посмотрел на меня так, будто видел впервые. Насквозь. — Никто не хочет находить то, из-за чего потом придется бежать из Ордена посреди ночи, захватив лишь то, что уместится в седельные сумки.

Я нервно потянула за жесткий край перчатки, пряча за этим движением предательскую дрожь в пальцах.

— Я никуда не собираюсь бежать.

— Конечно, не собираешься. — Он оттолкнулся от стены, восстанавливая между нами безопасную дистанцию. Могильный холод коридора тут же ударил по плечам. — Иначе ты бы сейчас сидела под замком, а не искала меня в этом за-

брошенном крыле.

Где-то за толстыми стенами Элариона глухо, на грани слышимости, ударил ветер.

Каменные плиты под сапогами казались обманчиво ровными. Тот же тошнотворный сдвиг реальности, что и днем в кабинете отца. Воздух в галерее стал тяжелым, давящим, как толща ледяной воды.

— Ты обещал доказательства, а не фокусы, — бросила я, стараясь, чтобы голос звучал тверже.

Рэйвен не ответил. Вместо этого он медленно, подчеркнуто *медленно* поднял руку. Это было плавное движение, дающее мне сотню возможностей отшатнуться, сбежать или перехватить его запястье.

Но я замерла, глядя на его длинные пальцы, окутанные рваной, клубящейся дымкой.

Он остановил ладонь в миллиметре от моего левого запястья. Кожа под плотной замшей мгновенно отозвалась. Метку дернуло так, словно к ней приложили раскаленное клеймо, и чужая, вязкая тьма под моими венами хищно потянулась навстречу его тени.

— Она становится сильнее, Вальтерис, — его глаза не отрывались от моего лица, а голос звучал пугающе спокойно. — И, если ты не накинешь на нее жесткий поводок, следующая зараженная тварь разорвет твоего драгоценного северина еще до того, как ты успеешь вспомнить, с какой стороны братья за клинок.

Я резко отдернула руку, стиснув зубы до тупой боли в челюсти. Тьма на его пальцах дернулась следом — голодная, откровенно собственническая.

— Заметила? Она реагирует на меня быстрее, чем ты успеваешь придумать очередную колкость, — с убийственным равнодушием констатировал Рэйвен, опуская руку. — И поверь, это огромная проблема.

Я с силой потянула край перчатки вниз, пряча пульсирующее запястье.

— Прекрати этот спектакль. Хочешь что-то сказать — говори прямо, без своих фирменных загадок.

Воздух между нами стал стеклянным, хрупким от повисшего напряжения.

— Тебе очень не понравится то, что я скажу.

— Я как-нибудь переживу.

Рэйвен выдержал паузу. Взгляд его темных глаз пригвоздил меня к месту, не давая сделать спасительный вдох.

— Та тварь в Нижнем пределе бросилась на тебя не потому, что ты просто неудачно стояла ближе всех, Лиора. — Он понизил голос. — Она напала, потому что твоя метка позвала ее первой.

Слова ударили под дых, безжалостно вышибая кислород из легких.

Память тут же подкинула утренние кадры: внезапный дикий жар под кожей, когда зараженная рунница прорвала оцепление. Оглушительный треск магии. И этот жадный,

вибрирующий отклик моей собственной тьмы. На одну большую, кошмарную секунду мне тогда захотелось не защищаться. Мне захотелось шагнуть монстру навстречу.

— Это был инстинкт самосохранения, — слова царапали пересохшее горло, слетая с губ слишком быстро, слишком отчаянно. — Обычная реакция на чужую агрессивную магию. Не больше!

Рэйвен сделал плавный шаг ко мне.

— Реакция? Там был десяток наследников Ордена. Твоя обожаемая Мирейн. Твой непогрешимый Кай. — Он обрубал фразы, как удары клинка. — Так почему же она смотрела только на тебя?

Я открыла рот, но звук намертво застрял в горле.

Оправдания рассыпались в пыль, не выдержав веса его слов.

Рэйвен сократил оставшееся расстояние. Запах озона и пепла стал удушающим. Между нами больше не осталось ночного сквозняка — только плотное, искрящееся напряжение, от которого волосы на руках вставали дыбом.

— Потому что тьма всегда узнает свою, Вальтерис.

Желудок болезненно скрутило. Нет, только не это.

— Ты несешь бред, — отрезала я.

Но голос предательски дрогнул, выдавая меня с головой.

— Разве?

— Эта дрянь просто... она сорвалась из-за прямого контакта с заражением! — Я выпалила это, отчаянно хватаясь

за логику. — Инстинкт самосохранения магии, вот и всё.

— Тогда почему она не отреагировала на других? — Рэйвен сделал еще полшага, безжалостно загоняя меня в угол. — Ответь, Лиора.

Слова намертво застряли в горле. Все мои вымученные оправдания разбились вдребезги под весом этого чертового вопроса. Ответа не было.

Рэйвен, конечно же, это заметил. Он шагнул вплотную, стирая последние дюймы безопасного пространства. Сердце заполошно ударило в ребра, иррационально реагируя на его подавляющую близость.

Соберись, мать твою, Лиора.

— Ты ведь и сама это прекрасно понимаешь, да? — Его голос забирался прямо под кожу. — Эта сила, что сидит внутри тебя, не имеет абсолютно ничего общего с вылизанной рунной магией Ордена.

Метка пульсировала, словно вторя ритму его слов.

Я упрямо вскинула подбородок, наотрез отказываясь сдаваться.

— Даже если это так... с какого хрена ты вообще взял, что понимаешь, с чем имеешь дело?

Рэйвен ответил не сразу. Его темные, немигающие глаза сверлили мои.

А затем тени вокруг его сапог дрогнули. Мрак бесшумно пополз вверх по белой каменной колонне за его спиной, клубясь и уплотняясь, пока не вытянулся в нечто, до одури

напоминающее два исполинских, стирающих границы света черных крыла.

Точно таких же, как у мужчины в центре пылающего круга из моего видения.

Во рту мгновенно пересохло. Пальцы онемели от глубокого, сковывающего ужаса.

Он проследил за моим расширившимся взглядом. Естественно.

— Потому что я уже видел такое раньше, — произнес он с пугающим, абсолютным равнодушием.

По позвоночнику сверху вниз прокатилась ледяная волна.

— Где?

Рэйвен долго, убийственно долго молчал, словно взвешивал мою душу на невидимых весах. А потом нанес финальный удар:

— На тех людях, которых ваш гребаный Орден заживо сжег шестнадцать лет назад.

Легкие сжались так, будто из галереи разом выкачали весь кислород.

Нет. Нет, черт возьми. Этого просто не может быть.

Шестнадцать лет Магистерии методично, день за днем, вбивал в наши головы одну и ту же историю. Чернокрылые предатели сошли с ума, вскрыли Разломы и впустили чужеродную тьму в Солвейн. А потом они пали под карающими мечами инквизиторов — во имя Света и всеобщего блага.

Я выросла на этой сказке. Она была тем непоколебимым

фундаментом, на котором строилась вся моя жизнь.

А теперь Рэйвен Морвейн стоит передо мной в полумраке мертвой галереи и с ледяным спокойствием говорит об этой резне так, будто сам лично стоял у костра. И, судя по мертвой пустоте в его глазах, он там действительно стоял.

— Ты лжешь, — выдохнула я.

Голос сорвался, стирая в пыль всю мою напускную твердость. Получилось не угрожающе. Получилось отчаянно, жалко и до тошноты беспомощно.

Рэйвен едва заметно склонил голову. Тени за его спиной повторили это хищное движение.

— Правда? — вкрадчиво переспросил он. — Или ты просто до смерти хочешь, чтобы это оказалось ложью?

Твою мать. Я резко отвернулась, не в силах больше выдерживать давление его взгляда. Внутри заворочалась паника — дикая, удушающая, царапающая когтями ребра. Потому что глубоко внутри какая-то часть меня — та самая темная, изломанная часть, откликнувшаяся на зов внизу, — уже поверила ему.

И именно это пугало меня до одури.

Я подошла к высокому витражному окну, прижимаясь горячим лбом к ледяной раме.

За цветным стеклом яростно бушевала метель. Снежные вихри с воем кружили вокруг шпилей Элариона, превращая собор в огромную слепую гробницу.

— Допустим... допустим, ты говоришь правду, — я с тру-

дом сглотнула. — Зачем рассказывать это мне? Дочери того, кто устроил казнь?

Тишина затянулась. Морвейн двигался совершенно бесшумно, но кожу на затылке стянуло от ощущения чужого, давящего присутствия еще до того, как он оказался рядом.

— В Нижнем пределе тебя узнали, Лиора.

Я резко обернулась и оказалась зажата между его телом и подоконником. Тени за спиной Рэйвена тяжело клубились, растворяясь в темноте галереи. В его пугающе ясном взгляде исчезла привычная насмешка, оставив лишь голую, уродливую правду.

— Ты прекрасно понимаешь, что сегодня произошло, — тихо, почти гипнотически произнес он, глядя на мои губы. — Та рунница не собиралась тебя убивать.

Я нервно, криво усмехнулась:

— Да? А мне показалось, она хотела вырвать мне руки с корнем.

— Она тянулась к метке.

Сердце больно ударилось о ребра. Перед глазами снова пронеслось воспоминание: изуродованные ледяные пальцы на моих запястьях, кровавая пелена видения и исполинские черные крылья, распахнутые в огне.

— Откуда ты вообще всё это знаешь? — прошептала я.

В глазах Рэйвена на мгновение распахнулась такая бездна старой, выжженной ярости, что я инстинктивно вжалась лопатками в стекло.

— Моя семья охраняла Разломы задолго до того, как Вальтерисы научились читать руны. И мой отец был среди тех, кого Орден объявил чудовищами и сжег.

Ветер за окном взвыл с оглушительной силой, будто вторя его словам. Глядя на искажившееся от гнева лицо Рэйвена, я кристально ясно осознала: для него это личная вендетта. Никаких красивых легенд о павшем Доме.

— Допустим... — я запнулась, подбирая слова, чтобы не взорвать его окончательно. — Почему ты молчишь? Иди к Совету. К Инквизиции. Покажи им доказательства!

Рэйвен посмотрел на меня так, будто я предложила ему шагнуть в открытый Разлом.

— Великому Совету нужна стабильность, Вальтерис. Твой отец сожжет еще половину мира, лишь бы удержать власть.

Горло сдавило спазмом. После разговора в кабинете Магистра я физически не могла с ним спорить. Он был пугающе прав.

В самой глубине собора, прорезая толщу камня, ударил бронзовый набат.

Низкий, вибрирующий гул разорвал вой метели и прокатился по каменным полам Элариона, отдаваясь в подошвах сапог. За ним сразу второй. Тревожно. Надрывно. Так звонили только при прорывах.

Снизу, из спящих коридоров, донесся крик. Он оборвался с тошнотворным булькающим звуком — кому-то только что вскрыли горло.

Мой кинжал покинул ножны раньше, чем мозг осознал звук. Тьма у сапог Рэйвена взвилась вверх частоколом из острых шипов, реагируя на внезапный всплеск адреналина в крови.

Колокол забил чаще, отбивая рваный ритм катастрофы.

— Тревога, — глухо бросил Рэйвен. Его глаза мгновенно превратились в черные провалы, радужка полностью затопила белок.

Эларион никогда не поднимал такой шум среди ночи без кровавой причины. Из темных пролетов донесся грохот сапог и лязганье кольчуг. Кто-то несся через западное крыло, срывая дыхание.

Из зева лестницы вылетел молодой инквизитор в наспех накинутой рясе. Он затормозил так резко, что кожаные подошвы заскользили по плитам. Заметив мой клинок и клубящуюся ауру Морвейна, парень остановился. Крови в его лице не осталось.

— Говори! — я шагнула ему наперерез.

Морвейн оказался рядом одним смазанным движением. Жестко перехватил парня за воротник рясы, вздергивая на ноги.

— Кого порвали? — рыкнул он.

Инквизитор судорожно сглотнул, цепляясь трясущимися пальцами за руку Рэйвена.

— Эверт... младшего Эверта. Дежурные нашли лужу крови и оторванный плащ. У старой винтовой лестницы, той,

что к архивам...

Старые подвалы. Прямо над запечатанным Нижним предделом.

Рэйвен медленно повернул ко мне голову. Мы подумали об одном и том же.

— Кай там? — быстро спросила я.

— Да... с отрядом. И Мирейн с Эвертами.

Ну конечно. Эверты — главные политические стервятники Совета. Смерть их наследника потребует козла отпущения, и они с удовольствием выберут того, чей Дом исторически связан с тьмой.

Я перегородила Морвейну путь, уперев ладонь в жесткую кожу на его груди.

— Это ловушка. Появишься там со своими теньями — Совет с удовольствием повесит этот труп на тебя.

— Значит, придется постараться, чтобы не повесили, — бархатно отозвался он, наступая. Нас снова разделяли миллиметры.

— Если тебя вздернут, я так и не узнаю, что за дрянь пожирает мои вены! — Гнев выжег остатки самоконтроля. Я с силой ткнула пальцем ему в грудь.

Тени вокруг нас мгновенно взвились непроницаемой стеной, отсекая испуганного инквизитора. Лицо Рэйвена превратилось в гранитную маску. Он перехватил мое запястье — жестко, непреклонно.

— Я не позволю тебе умереть, Лиора.

Его большой палец с силой вдавился в бешеный пульс на моей руке.

— Твоя проклятая метка — единственное доказательство того, что твой отец солгал Солвейну. Если Совет повесит меня до того, как мы вскроем этот гнойник, мой Дом навсегда останется в грязи. — Он наклонился так близко, что его дыхание обожгло мне губы. — Ты мой ключ, Вальтерис. И я буду защищать его от самой смерти.

Меня только что прямым текстом назвали отмычкой к перевороту. Но от этой извращенной, пугающей преданности внутри всё стянуло тяжелым, горячим узлом.

Я судорожно кивнула.

— Идем, — Рэйвен резко отстранился, одним взмахом руки рассеивая морок, и повернулся к инквизитору. — Ты нас не видел. Иначе мои тени свернут тебе шею раньше, чем ты успеешь набрать воздух для крика. Понял?

Он сказал это без капли театрального пафоса, с пугающей, ледяной обыденностью. Парень отчаянно закивал.

Мы сорвались с места, растворяясь во тьме.

На крутом повороте рука Рэйвена сомкнулась на моем предплечье. Грубый рывок — и я влетела в жесткий камень ниши. Морвейн мгновенно впечатался в меня, накрывая нас обоих тяжелым, абсолютно непроницаемым пологом мрака.

Мимо арки гроыхнул строевой шаг. Белые плащи, сверкающая эмалированная броня. Угрожающий блеск обнаженных двуручников. Северяне. Кай поднял гарнизон за счита-

ные минуты. Я затаила дыхание, пока последний белый плащ не скрылся за поворотом.

Грудь Рэйвена тяжело вздымалась всего в дюйме от моей. От него одуряюще пахло адреналином и сырой магией.

— Твой цепной командир времени зря не теряет, — шепнул он мне на ухо, едва касаясь губами кожи.

— Иди к черту, Морвейн, — выдохнула я, стараясь игнорировать то, как мое тело предательски реагирует на его близость.

Он убрал тени, и мы бросились дальше по винтовым ступеням.

Воздух в нижних ярусах изменился. Стал невыносимо густым. В нос ударил резкий, тошнотворно-сладкий запах свежей крови и вскрытого металла. В конце коридора, залитого багровым, пульсирующим светом аварийных рунных ламп, северяне взяли секцию архива в кольцо.

Металлические перья на крыльях Кая тускло светились в полумраке — он возвышался над строем, отдавая короткие, рубленые приказы бледной Мирейн.

Я хотела выйти к ним из тени, но снизу раздался звук.

Тихий, леденящий душу скрежет. Кто-то медленно, с наслаждением проводил длинными когтями по каменному потолку тоннеля прямо под ногами солдат.

В ту же секунду мою левую руку будто сунули в кузнечный горн.

Я согнулась пополам, судорожно втягивая воздух сквозь

стиснутые зубы. Пальцы разжались, и кинжал с оглушительным звоном отлетел в сторону, ударившись о стену. Мышцы свело судорогой. Тьма билась в венах, исступленно, по-звериному рвясь навстречу тому, что скреблось под полом.

Она пришла за мной.

— Лиора? — Рэйвен мгновенно оказался рядом, поддерживая меня за плечо.

Скрежет повторился. Громче. Ближе. Треск ломающегося камня.

— Щиты! Сомкнуть гребаный строй! — рывкнул Кай.

Северяне слаженно, с лязгом сомкнули щиты, оттесняя гражданских наследников. Мирейн лихорадочно начертила в воздухе сложную защитную печать, и ослепительный, режущий глаза серебряный свет полоснул по стенам. Каменная плита у основания лестницы с оглушительным треском лопнула.

Из щели ломаными, дергаными рывками выползла длинная, извращенная конечность. Кожа на ней была цвета грязного воска. Суставы выгибались под немислимыми, неестественными углами. Длинные, почерневшие костяные когти заскребли по камням, оставляя глубокие борозды.

У одного из молодых северян в первом ряду сдали нервы. Он с криком дернулся вперед, занося двуручник.

Существо ударило со свистом рассекаемого воздуха. Когти вспороли плотную эмалированную броню, как мокрый пергамент. Парень рухнул с истошным воплем, судорожно

зажимая рану на шее, из которой толчками хлынула яркая артериальная кровь.

— ДЕРЖАТЬ СТРОЙ! — взревел Кай. Его огромные белые крылья с лязгом распахнулись, закрывая собой раненого и принимая на себя следующий слепой удар монстра.

Тварь проигнорировала обнаженные мечи северян и ослепительные руны Мирейн. Изуродованное, безглазое лицо медленно, пугающе точно повернулось в сторону нашей ниши.

Прямо на меня.

Метка вспыхнула. Ядовито-черные линии проступили сквозь кожу, безжалостно прожигая замшу перчатки изнутри. Запахло паленым мясом.

Морвейн ударил по моей руке, жестко перехватывая пылающее запястье.

— Не вздумай снимать, — прорычал он.

Он не пытался успокоить мою тьму. Он ее поглощал. Черная, густая дымка сорвалась с его длинных пальцев, впитывая невыносимый жар моей метки, агрессивно глуша ее зов своей собственной, подавляющей мощью. Боль стала ослепляющей, белой. Я застонала, до побеления костяшек вцепляясь пальцами в жесткие ремни на его груди.

— Сейчас, — выдохнул Рэйвен.

Он резко оттолкнулся от стены, шагнув из глубокой ниши прямо в центр залитого кровью коридора. Оставив меня скрытой в непроницаемой темноте.

— Какого дьявола?! — Кай инстинктивно вскинул окровавленный меч на выросшую прямо перед ним стену из колючих, клубящихся теней.

Зараженное существо дернулось, зашипев, сбитое с толку колоссальным всплеском новой, первобытной тьмы.

— Отойдите, — усиленный магией голос Рэйвена ударил по каменным сводам, заставляя их вибрировать. Черные шпильки теней с оглушительным грохотом вонзились в каменный пол прямо перед мордой монстра, выбивая каменную крошку.

— Она моя.

Никто не спросил, откуда он взялся. Рэйвен подставился. Обозначил тварь своей добычей, забрал мой пульсирующий магический след на себя.

— Лиора, — магия донесла его приглушенный шепот прямо мне в ухо. — Уходи через задний ход. Отвлеку их и нагоню.

Я не спорила. Последнее, что я видела, оглянувшись через плечо, прежде чем раствориться в темноте — широкую спину Рэйвена в клубах черного дыма. Один против целого закованного в броню отряда и хтонической твари. Он защищал мой секрет с таким упрямством, словно это было единственное, что имело для него значение в этом проклятом соборе.

Глава 6

На

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.